

СКОТТ СИГЛЕР

ИНФИЦИРОВАННЫЕ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Скотт Сиглер Инфицированные

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572833
Сиглер С. Инфицированные : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60569-9*

Оригинал: ScottSigler, "NFECTED: A NOVEL"

*Перевод:
В. Владимиров*

Аннотация

По всей Америке сотни обычных мирных людей внезапно превращаются в одержимых паранойей убийц-маньяков. В своем безумии они не щадят ни друзей, ни родных, ни даже самих себя. Вот и Перри Доуси – добродушный великан, бывшая звезда американского футбола – замечает, что с ним происходит что-то не то. Сначала – странная сыпь и зуд по телу, затем – непонятно откуда взявшиеся треугольные наросты под кожей. А затем Перри начал слышать голоса, нашептывающие ему страшные вещи... Он инфицирован. Но Доуси не собирается уступать этому «нечто». И, возможно, от исхода жестокой войны, которую он ведет с собственным телом, будет зависеть судьба всего человечества. Потому что паразитам от него что-то нужно – что-то гораздо большее, чем простые убийства...

Содержание

Пролог	5
1	7
2	14
3	15
4	18
5	21
6	22
7	25
8	27
9	28
10	30
11	37
12	40
13	42
14	44
15	46
16	50
17	52
18	53
19	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Скотт Сиглер Инфицированные

Scott Sigler

INFECTED: A NOVEL

Copyright © 2008 by Scott Sigler This translation published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc. and with Synopsis Literary Agency.

Пролог

То самое место...

Алида Гарсия, спотыкаясь, пробиралась через зимний лес, помечая кровавыми следами долгий путь по сверкающему белизной хрустящему снегу.

Руки женщины судорожно тряслись. Она едва могла сжать в кулак онемевшие пальцы, мокрые от снега, крупные хлопья которого таяли, касаясь кожи. Сумеет ли она, когда придет время, выстрелить из старого револьвера Луиса?

Ноющая боль в животе заставила Алиду вспомнить о предназначенной ей миссии. Божественной миссии.

Плохо, все было очень плохо. Неприятности начались, когда у Алиды зачесались живот и локти. Но куда больше тревожило женщину то, что творилось у нее внутри. Она понимала: так быть не могло, однако поделать ничего не могла.

Алида оглянулась назад, на кровавые следы на снегу, с тревогой всматриваясь в лесную мглу, – нет ли погони?

Несколько лет она жила в страхе перед иммиграционной службой, потом все в одиночестве стало куда страшнее. Вначале Алиду хотели лишь депортировать, а теперь намеревались уничтожить.

Исцарапанные ветками ноги и руки были в крови. Левая нога, с которой давно слетел башмак, болезненно кровоточила – ледяная корка каждый шаг превращала в муку. Из носа тоже сочилась кровь, но все это ничто по сравнению с кровью, которая отхаркивалась каждые несколько минут.

Нужно двигаться вперед, нужно отыскать то место... место, где все начнется.

Алида увидела два мощных дуба – словно вековые любовники, тянулись они друг к другу, застыв в вечном порыве. Она вновь вспомнила о своем муже Луисе, потом о ребенке. И отбросила мысли прочь. Нельзя долго думать об этом на фоне той мерзости, что творится у нее в животе.

Алида сделала то, что должна была сделать.

Три пули для Луиса.

Одна для ребенка.

Одна для человека с автомобилем.

При таком нехитром раскладе в барабане револьвера оставался еще один патрон.

Алида споткнулась, попыталась удержаться от падения, но не смогла – окровавленные руки вошли в глубокий снег. Окостеневшие пальцы уперлись в невидимые камни, захватив еще больше жгучей холодной боли, а голова стукнулась о твердую ледяную корку. Алида подняла изможденное лицо, залепленное мокрым снегом вперемешку с кусочками льда. Из рта снова отхаркнулось кровавой слизью – алая вспышка на белом снегу.

Кровь и несколько мокрых комочков чего-то черного.

Внутри было больно. Очень больно. Женщина начала медленно подниматься, потом замерла и уставилась на пару могучих дубов неподалеку. Они возвышались над поляной, и голые ветки образовали громадную скелетообразную крону, имевшую до пятидесяти метров в поперечнике. Неопавшая мертвая листва слегка колыхалась от зимнего ветра. Алида понятия не имела, что она ищет; знала лишь, что ей необходимо пробираться подальше в лес, в самую чащу, куда не ступала нога человека.

Вот оно, то самое место...

Прodelать такой долгий путь, чтобы завершить его здесь. Машину Алида забрала у того мужчины в Джексоне. Незнакомец жалобно твердил, что он не *la migrá*, то есть не из иммиграционной полиции, но люди из этого ведомства всю жизнь не давали ей покоя, и

ошибиться Алида не могла. Мужчина не сводил испуганных глаз с револьвера, не переставая твердить, что он не *la migra*, а просто разыскивает ближайший винный магазин. Алида знала, что он лжет. Видела по глазам. Застрелив его, она оставила негодяя там же, где встретила, потом забрала автомобиль и помчалась сквозь ночь по унылому и пустынному шоссе. Машину пришлось бросить в Сагино. Здесь ей удалось запрыгнуть в вагон грузового поезда. Алида ждала, пока на пути не попадется большой лес. Главное – двигаться на север.

Движение в этом направлении и в самом деле красной нитью проходило через всю ее жизнь. Чем дальше на север, тем меньше тебе задают вопросов. Детство Алиды прошло в Монклове, в Мексике. Потом Пьедрас-Неграс, а в возрасте девятнадцати лет Алида перебралась через границу в Техас, однако и там не задержалась. Семь лет изнурительной работы, укрывательства, лжи и... постоянного продвижения на север. Луиса она повстречала в Чикаше, штат Оклахома. Дальнейший путь по Америке они продолжали вместе: Сент-Луис, Чикаго, наконец, приехали к ее матери в Гранд-Рapidс, штат Мичиган. Непродолжительная перемена обстановки, а потом они направились на восток, когда Луису повезло найти постоянную работу в строительной фирме в Джексоне.

Затем началась чесотка, а с ней нестерпимое стремление вновь двигаться на север. Нет, не просто стремление, как раньше. Оно обрело черты миссии, поставленной задачи, которую во что бы то ни стало необходимо выполнить.

И вот, наконец, на двадцать восьмом году жизни Алида достигла цели...

Она неотступно смотрела на дубы, словно желая понять, как они нашли здесь друг друга. Ей-богу, они словно возлюбленные. Как муж и жена. Нельзя было не думать о нем, о ее муже, Луисе. Хотя теперь все хорошо, скоро она к нему присоединится.

Алида оглянулась. Густой снег застилал кровавую стежку, которая сделалась расплывчатой, а скоро и вовсе должна была исчезнуть... *La migra* преследовали ее, хотели убить... однако сейчас погоня отстала, а значит, ее следы вскоре будут навсегда потеряны...

Алида повернулась, чтобы еще раз взглянуть на могучие деревья и запечатлеть в голове их величественный образ.

Вот оно, то место.

Вытащив из кармана старый револьвер 38-го калибра, она прижала дуло к виску.

Окоченевшие пальцы в нужный момент не подвели...

1

Капитан Джинки

– Утренняя линия прямого эфира FM 92,5. Здравствуйте! Что у вас наболело, какие новости, чем вы готовы с нами поделиться?

– Я убил их всех...

Марша Стаббинс закатила глаза, издав притворный стон. Ну вот, еще один идиот пытается привлечь к себе внимание.

– Неужели? Превосходно, сэр!

– Мне нужно связаться с Капитаном Джинки. Мир должен узнать...

Марша кивнула. 6.15 утра, самое время для разного рода душевнобольных и прочей нечисти подняться с постели, послушать трескотню Капитана Джинки и решить, что они тоже непременно должны стать частью шоу. И так почти каждый день.

– О чем, по-вашему, должен узнать Капитан Джинки, сэр?

– Я расскажу ему про Треугольники.

Голос человека звучал прерывисто. Слова произносились в промежутках между вдохами, как будто после изнурительной физической тренировки.

– Хорошо, значит, треугольники. Похоже, вы испытываете какие-то личные проблемы, сэр.

– *Не пытайся сбить меня с толку, тупая сука!*

– Эй, не нужно кричать на меня только за то, что я сижу на телефоне и отвечаю на звонки!

– Немедленно соедини меня с Джинки, иначе я приеду и воткну нож в твой поганый глаз!

– Угу, – устало кивнула Марша. – Лучше не придумашь. Нож в глаз. Отлично.

– Я только что убил свою семью, ты не понимаешь? И весь измазан их кровью! Так было нужно! Потому что *мне велели это сделать!*

– А вот это не смешно, идиот, и, между прочим, ты уже третий серийный убийца, который позвонил сегодня утром. Позвонишь еще раз, можешь не сомневаться: вызову полицию.

Незнакомец повесил трубку. Марша чувствовала, что он готов был произнести еще что-то, снова накричать на нее, пока она не упомянула про копов.

Марша провела рукой по лицу. У Капитана Джинки одно из самых рейтинговых утренних шоу во всем Огайо, но, черт возьми, голова пойдет кругом, когда почти каждый день приходится выслушивать разных идиотов и сумасшедших.

Она пожала плечами и посмотрела на телефон. Светились индикаторы всех каналов. Едва ли не каждому гражданину города не терпелось попасть в прямой эфир. Марша вздохнула и нажала на кнопку номер два.

В Кливленде, штат Огайо, есть одна комната на семнадцатом этаже офисного здания компании «АТ&Т». Здание известно как «Гурон-роуд-билдинг», а раньше называлось «Огайо-Белл-билдинг».

Комната в реальности не существует. Или, по крайней мере, не существует то, что находится внутри комнаты. На картах, строительных чертежах и для большинства людей, работающих на семнадцатом этаже, комната 1712-В – просто помещение для хранения папок.

Помещение для хранения папок, которое всегда закрыто. Люди заняты, никто ни о чем не спрашивает, и никому нет дела – таких закрытых комнат миллионы в офисных зданиях на

всей территории Соединенных Штатов. Но это, конечно же, не просто комната для хранения папок.

Комната 1712-В не существует, потому что это так называемая «Черная комната». А «Черной комнаты» не существует. Так утверждает правительство.

Чтобы проникнуть внутрь, необходимо пройти несколько этапов проверки. Во-первых, обратиться к охраннику на семнадцатом этаже. Его пульт расположен всего в пятнадцати футах от 1712-В. У охранника имеется доступ к секретной информации от Агентства национальной безопасности, и можно не сомневаться: парень всегда начеку. Во-вторых, нужно вставить карту-ключ в слот у входной двери. Карта содержит встроенный код, который изменяется каждые десять секунд в соответствии с алгоритмом, основанным на времени суток: так обеспечивается доступ в помещение только нужных людей и в нужное время. В-третьих, необходимо набрать на клавиатуре персональный код. В-четвертых, приложить большой палец к маленькой серой пластинке непосредственно над дверной ручкой, чтобы миниатюрное устройство могло сверить отпечаток и пульс. По правде говоря, сканер отпечатков пальцев гроша ломаного не стоит и его легко обмануть, зато проверка пульса вещь полезная, особенно на тот случай, если вы капельку возбуждены – например, потому, что кто-то приставил к вашей голове пистолет. Пистолет, которым вполне могли застрелить вышеупомянутого охранника.

Если вы успешно преодолели все барьеры, 1712-В открывается, и вы получаете доступ в «Черную комнату» и к тому, что находится внутри (и официально тоже не существует).

А внутри находится «НарусИнсайт STA 7800», суперкомпьютер, разработанный для того, чтобы осуществлять массовый контроль ошеломляющих масштабов. К «НарусИнсайт» подведены оптоволоконные линии от светоделителей, установленных на магистралях, в которые поступает информация о входящих и исходящих телефонных звонках и интернет-данных со всей территории штата Огайо. Такой техножаргон подразумевает, что подобные линии несут всю цифровую коммуникационную нагрузку в Огайо, в том числе каждый телефонный звонок на Среднем западе страны. А, так вы не со Среднего запада? Не беспокойтесь, в США «Черных комнат» пятнадцать. Хватит на всех.

Компьютер отслеживает ключевые фразы, такие, например, как «атомная бомба», «поставка кокаина» или всегда популярное «убить президента». Система автоматически фиксирует и записывает каждый звонок, десятки тысяч звонков в секунду, с помощью программы распознавания голоса, преобразующей каждый разговор в текстовый файл. Затем система сканирует текстовый файл на предмет потенциально подозрительных слов. Если таковые не обнаружены, система выводит содержимое аудио. Если же они обнаружены, то аудиофайл (а заодно и преобразованный из голоса текст) немедленно переправляется по сети на компьютер человека, ответственного за мониторинг коммуникаций, содержащих подобную лексику.

Как видите, отслеживается буквально каждый звонок. Каждый. Ведется поиск слов, связанных с терроризмом, наркотиками, коррупцией и другими преступными областями. Но из-за ряда вопиющих происшествий, имевших место за последние недели, президент страны издал секретный указ, согласно которому в перечень наблюдения добавлено новое слово.

Что же это за слово?

Треугольники.

Система проанализировала взаимосвязь слова «треугольники» с такими словами, как «убийство», «покушение» или «сжечь». Оказалось, что два слова из упомянутого перечня прозвучали в телефонном звонке гостевой линии радишоу «Капитан Джинки».

Система преобразовала телефонный звонок в текст и при анализе текста обнаружила тесную корреляцию слов «треугольники» и «убить». Звонок был зафиксирован, зашифрован

и отправлен в аналитический узел. То есть в еще одну секретную комнату, которая располагалась в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, Виргиния.

Аналитик трижды прослушала звонок. Уже после первого прослушивания она поняла, что напала на важный след, но прокрутила запись еще дважды, чтобы убедиться окончательно. Потом позвонила Мюррею Лонгуорту, заместителю директора ЦРУ. Она не знала точно, что значит близкое родство таких слов, как «убить» и «треугольники», однако ей было известно, как определить ложный звонок, а этот выглядел вполне нормальным, *настоящим*.

Откуда звонили? Из дома, где проживал некто Мартин Брубейкер. Город Толедо, штат Огайо.

Это не та музыка, которую можно слушать громко. Хеви-метал или безвкусный панк-рок, которым какой-нибудь подросток доставал окружающих, – еще куда ни шло. Или безумная композиция из рэпа.

Но только не Синатра. Никому не взбретет в голову слушать Фрэнка Синатру так, чтобы в доме тряслись окна.

I've got you... under my skin.

Дью Филлипс и Малколм Джонсон сидели в черном «Бьюике» без номеров, наблюдая за домом, из которого доносилась неприлично громкая музыка. Оконные стекла буквально дрожали, вибрировали в унисон с басами, звеня всякий раз, когда звучный голос Синатры выдавал длинную чистую ноту.

– Я, конечно, не психолог, – проговорил Малколм, – но могу высказать научную гипотезу о том, что в доме поселился псих.

Дью кивнул, после чего вытащил «кольт» 45-го калибра и проверил магазин. Тот был полон, как обычно, но Дью все равно проверил: сорок лет привычки даром не проходят. То же самое проделал Малколм со своей «береттой». Хотя Малколм был почти вдвое младше Дью, привычка проверять оружие прочно укоренилась у обоих мужчин благодаря тому, что профессиональный путь у каждого был один и тот же: вначале служба в американской армии, затем спецподготовка в тренировочных лагерях ЦРУ. Малколм был хорошим, сообразительным парнем и умел слушать, в отличие от большинства нынешних новоиспеченных агентов.

– Чокнутый, зато по крайней мере живой. – С этими словами Дью засунул пистолет в кобуру под мышкой.

– *Скорее всего*, живой, – уточнил Малколм. – Придурок позвонил около четырех часов назад. За это время он мог уже того... отдать концы.

– Будем надеяться на удачу, – ответил Дью. – Если нас ждет еще один вонючий труп, меня точно вырвет.

Малколм рассмеялся.

– Вырвет? Тебя?! Вот интересно посмотреть! Кстати, собираешься ты, наконец, трахнуть ту цыпочку? Как там ее, Монтана?

– Монтойя.

– Да, правильно, Монтойя, – кивнул Мэл. – Судя по тому, как развиваются события, скоро мы ее увидим. А она ого-го для такой старушки.

– Побойся бога, приятель, я старше ее по меньшей мере лет на пятнадцать. Если уж она старая, как ты говоришь, значит, я вообще древний.

– Конечно, древний! Артефакт!

– Спасибо, что напомнил, – усмехнулся Дью. – Между прочим, Монтойя – из образованных, она слишком умна для такого ворчуна, как я. Боюсь, она мне не пара.

– Я вообще затрудняюсь сказать, кто тебе пара. Надеюсь, я тоже тебе не пара?

– Ты – нет.

– Потому что, знаешь ли, моя жена начала бы нервничать. А впрочем, нынче это дело обычное, верно?

– Ладно, к черту, Мэл, мы с тобой заболтались. Оставим шутки на потом. Давай к делу. Пора!

Дью поправил наушники и проверил сигнал.

– Центральная, Филлипс на связи, как слышите?

– На связи, Филлипс, – раздался в наушниках тонкий голосок. – Все патрули на местах.

– Центральная, Джонсон на связи, прием, – проговорил Малколм.

Тот же тонкий голосок подтвердил вызов.

Малколм сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда небольшую кожаную визитницу. Туда были вложены две фотографии – жены Шамики и шестилетнего сынишки Джерома.

Дью ждал. Малколм всегда проводил такой обряд перед тем, как они собирались говорить с подозреваемым. Малколму нравилось напоминать себе, почему он занимается своей работой и почему всегда нужно оставаться внимательным и осторожным. У Дью в бумажнике лежала фотография дочери Шэрон, но он не собирался вытаскивать и рассматривать ее. Не стоит думать о дочке перед выполнением очередного задания. Лучше отделить ее от тех кошмаров, которые могут ждать впереди.

Малколм закрыл и спрятал визитницу. Мужчины вышли из «Бьюика» и направились к небольшому одноэтажному дому Мартина Брубейкера. Лужайка и тротуар были покрыты толстым слоем снега.

Брубейкер жил на углу Кертис и Миллер-стрит, ближе к окраине Толедо. С четырех оживленных переулков, пересекающих Вестерн-авеню, доносился шум, но и его было явно недостаточно, чтобы заглушить голос Фрэнка Синатры.

На случай, если ситуация станет угрожающей, наготове имелись три автомобиля с четверкой спецназовцев в биокостюмах. Одна машина патрулировала в конце Кертис-стрит, где улица сливалась с Вестерн-авеню, одна – на пересечении Кертис и Моцарт-стрит, и еще одна – на углу Дик и Миллер-стрит. Это исключало любую возможность бегства на автомобиле, а мотоциклов на имя Брубейкера в Отделе транспортных средств зарегистрировано не было. Если он вздумает махнуть на север и пересечь замерзающую бухту Суон-Крик, парни из четвертой машины наверняка его перехватят. Все пути Мартину Брубейкеру были отрезаны.

Дью с Малколмом биокостюмы не захватили. Да и к чему? Операцию нужно провести тихо, не привлекая внимания посторонних, а иначе те, кто проживают по соседству с Брубейкером, могут разволноваться и поднять шум. Парочка громил в желтых скафандрах, которые ломаются в дверь добропорядочного гражданина – какое уж тут, к чертовой матери, спокойствие?

Если все пойдет по плану, они возьмут Брубейкера, мирно отведут к серому автомобилю номер один и доставят в городскую больницу Толедо, где уже выделена и полностью подготовлена соответствующая карантинная зона.

– Приближаемся к входной двери. – Дью не обращался ни к кому конкретно, но микрофон, присоединенный к наушникам, фиксировал все произносимые звуки, которые тут же передавались на пульт управления.

– Принято, Филлипс.

Наконец-то выпал шанс взять подозреваемого тепленьким. После чего, возможно, удастся выяснить, что, черт побери, происходит.

– Не забывай про приказ, Мэл, – напомнил Дью. – Если дела пойдут плохо, никаких выстрелов в голову.

– Ясно, босс: в голову не стрелять.

Дью надеялся, что до применения оружия вообще не дойдет, но не мог отделаться от дурного предчувствия. После нескольких недель погони за жертвами инвазий, когда напарники натыкались лишь на зловонные трупы либо обугленные останки, им, похоже, выпал шанс столкнуться с живым преступником.

Мартин Брубейкер, тридцати двух лет, женат на Анни Брубейкер, двадцати восьми лет. Один ребенок, Бетси Брубейкер, возраст – шесть лет.

Дью прослушал звонок Мартина Капитану Джинки в записи. И все равно полной уверенности не было. Парень мог оказаться нормальным. Просто захотел погромче врубить Синатру в полночь...

I tried so... not to give in,
I said to myself, «This affair never will go so well».

– Дью, чувствуешь? Пахнет бензином...

Дью даже не пришлось особенно принюхиваться, чтобы понять, что Малколм прав. Несомненно, бензин. Запах исходил изнутри дома. Черт!

Дью взглянул на напарника. Ладно, бензин или нет, в любом случае пора двигаться. Хотелось шепнуть об этом Мэлу, но чертов Синатра пел так громко, что пришлось перейти на крик.

– Ладно, Мэл, давай вперед, и побыстрее! Наш псих, видать, хочет спалить дом. Надо упаковать его прежде, чем он доберется до спичек, уловил?

Малколм кивнул. Дью отступил от двери. Он и сам, если нужно, мог бы выбить ее, но Мэл моложе и сильнее. Пусть позабавится.

Малколм отошел немного и с силой ударил дверь ногой – та распахнулась настежь, а вырванный металлический засов со звоном отлетел куда-то в сторону. Мэл вошел первым, Дью – за ним.

Песня в исполнении Синатры зазвучала еще громче – Дью скривился.

In spite of a warning voice that comes in the night,
And repeats, repeats in my ear...

Перед ними открылась небольшая гостиная, которая вела в маленькую столовую и на кухню.

В кухне на полу в луже крови лежал труп женщины. Глаза широко раскрыты, горло перерезано. Сморщенный лоб, на лице застывшее удивление, не ужас... Именно удивление или, может быть, смущение – как во время напряженных раздумий над загадкой из «Колеса фортуны».

Мэл сохранил спокойствие, лицо его осталось бесстрастным, и Дью даже почувствовал гордость за напарника. Правильно, ведь в любом случае нечастной не поможешь.

Don't you know, little fool, you never can win,
Use your mentality, wake up to reality.

Ботинки Дью хлюпали по коричневому ковру из грубого ворса. Ковровое покрытие было насквозь пропитано бензином, отчего сделалось еще темнее.

Мэл и Дью медленно двигались вперед.

Первая дверь направо. Мэл открыл ее.

Детская комната, а в ней еще одно мертвое тело. На сей раз – труп маленькой девочки. Малышке шесть лет; Дью знал об этом, поскольку успел ознакомиться с делом. На лице –

стеклянная пустота. Рот приоткрыт. Личико залито кровью. В крови и футболка девочки с эмблемой «Кливлендских медведей»¹.

Мэл остановился. Девочка – ровесница его сына Джерома. Дью в ту же секунду понял, что напарник, вероятно, убьет Брубейкера, как только они его найдут. И не собирался препятствовать этому.

Впрочем, долго здесь задерживаться было некогда. Дью нетерпеливо хлопнул Мэла по плечу. Напарник вышел из детской и закрыл за собой дверь. Впереди виднелись еще две двери: одна направо и одна – в конце коридора. По-прежнему играла музыка, заглушая все вокруг.

But each time that I do, just the thought of you
Makes me stop, before I begin.

Мэл открыл дверь направо. Внутри спальни ни души.

Дью сделал глубокий вдох, и легкие наполнились парами бензина. Мэл открыл дверь. И увидел Мартина Брубейкера.

Предположение Мэла, высказанное в патрульной машине, оказалось пророческим – в доме действительно находился сумасшедший.

Широко раскрыв глаза, с безумной улыбкой на лице Брубейкер сидел на полу в ванной, вытянув ноги. На нем была толстовка с капюшоном, вся пропитанная бензином, и джинсы. На ногах никакой обуви. Выше колена ноги были туго перетянуты ремнями. В одной руке мужчина держал оранжевую зажигалку, в другой – здоровенный тесак с зазубринами. Позади лежала серебристая канистра, содержимое которой медленно вытекало на черно-белый линолеум.

‘Cause I’ve got you... under my skin.

– Поздно заявили, легавые, – проговорил Брубейкер. – Мне сказали, что вы придете. Но знаете что? Я никуда не собираюсь, и *их* с собой брать не буду. Пусть отправляются туда сами, дьявол их побери!

Он поднял тесак и сильно взмахнул. Толстое лезвие разрезало джинсовую ткань и вонзилось в кожу чуть пониже колена. Раздался жуткий хруст, на пол хлынула кровь, смешиваясь с лужей бензина.

Брубейкер вскрикнул, взглянув на отрезанную ногу, и этот вопль ненадолго заглушил звуки оркестра и голос Фрэнка Синатры. Все произошло в считанные секунды. Тесак снова взмыл вверх; сильный, безжалостный удар отделил ниже колена и вторую ногу. Брубейкер откинулся назад, потеряв равновесие. Из обрубков ног хлестала кровь, забрызгав стены и даже потолок. Дью и Малколм инстинктивно закрылись ладонями, чтобы кровь не попала в глаза.

Брубейкер щелкнул зажигалкой и поднес ее к полу. Бензин мгновенно вспыхнул, и пламя заплясало вдоль мокрой дорожки, ведущей в коридор и комнаты. Пропитанная бензином толстовка Брубейкера сразу превратилась в огненный столб.

Энергичным движением Малколм спрятал оружие в кобуру, сбросил с себя плащ и бросился вперед.

Дью хотел было предупредить напарника, но не успел – Мэл набросил плащ на Брубейкера, пытаясь сбить пламя. Неожиданно огромный нож в руке самоубийцы пришел в

¹ «Cleveland Browns» – команда из Американской футбольной конференции (американский футбол).

движение, вонзившись глубоко в живот Малколма. Несмотря на громкую музыку, Дью слышал глухой скрежет, когда лезвие наткнулось на позвоночник...

Дью бросился в горящую ванную.

Брубейкер поднял голову, его глаза расширились, а улыбка сделалась еще безумнее. Он хотел что-то произнести...

Дью Филлипс выстрелил в него трижды. Пули вонзились мужчине в грудь, опрокинув на гладкий от крови и бензина пол. Спина Брубейкера ударила об унитаз, однако к этой секунде был уже мертв.

– Всем подразделениям! Прошу помощи, немедленно! Ранен офицер!

Дью спрятал оружие, нагнулся и взвалил Мэла на плечо. Потом тяжело выпрямился. Брубейкер горел, но пламя странным образом пощадило его правую руку. Дью крепко схватил ее и тяжелой поступью направился по коридору, неся на себе одного человека и волоча по полу другого.

2

Сырое и жареное

Дью, шатаясь, выбрался из горящего дома. Зимний воздух приятной прохладой ударил в лицо.

– Держись, Мэл, – проговорил Дью окровавленному напарнику, глухо стонущему на правом плече. – Еще немного... Скоро тебе помогут.

Дью с трудом сделал несколько шагов, едва не рухнул на заснеженную лужайку, потом, восстановив равновесие, добрался до тротуара. Перейдя улицу, он, шатаясь, словно пьяный, подтащил тело Брубейкера к неглубокому сугробу. Горящий труп зашипел как спичка, опущенная в воду. Дью опустился на одно колено и мягко положил Малколма на землю.

Белая рубашка напарника в области живота вся пропиталась кровью. Лезвие тесака проникло очень глубоко, разрезав кишечник. Дью приходилось видеть подобные раны, и больших надежд на положительный исход они не внушали.

– Потерпи, Мэл, прошу тебя, – шептал Дью. – Вспомни Шамику и Джерома, и тебе сразу полегчает. Ты ведь не можешь оставить семью...

Он держал Малколма за горячую влажную руку, покрытую волдырями от ожогов.

Воздух разрезал визг шин. Рядом остановилось несколько автомобилей «Шевроле». Десяток людей в громоздких костюмах химзащиты выскочили на дорогу, покрытую снежной грязью. Вооруженные компактными пистолет-пулеметами FN-P90², они с отработанной точностью образовали кольцо вокруг Дью и Малколма и окружили дом.

– Видишь, приятель? – прохрипел Дью. Он поднес губы к самому уху Малколма. – Мэл! Кавалерия уже здесь; ты и глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в больнице. Только потерпи немного, дружок.

Малколм издал глухой стон. Его голос больше походил на шепот.

– Тот... кретин... сдох?

– Придурок отправился напрямик куда следует, – ответил Дью. – Три пули в сердце, и все дела.

Малколм издал хрип, сплюнув на снег густую черную кровь. Мужчины в спецкостюмах аккуратно подняли его и побежали к одному из автомобилей.

Дью смотрел за тем, как солдаты погрузили в другой автомобиль дымящийся труп Брубейкера. Остальные помогли обессилевшему Дью добраться до последней машины. Он уселся, услышал стук закрываемой дверцы, потом слабое шипение, когда в автомобиле включили герметизацию салона. Любые неожиданные утечки позволят впустить дополнительный воздух на случай, если Дью заражен спорами неизвестной болезни. Он спрашивал себя, надо ли его будет помещать в воздушный шлюз, а потом подвергать непрерывному осмотру в течение нескольких дней, – вдруг проявятся какие-нибудь неизвестные симптомы. Впрочем, сейчас на это наплевать, лишь бы Малколму помогли. Если Малколм умрет, Дью себе не простит. Никогда.

Менее чем через минуту после прибытия джипы рванули по улице, оставив горящий дом позади.

² Пистолет-пулемет бельгийской фирмы FN Herstal.

3

Один маленький шаг...

Проделав неизвестный путь за неизвестное время, очередная порция семян падала из атмосферы, словно микроскопический снег, разлетаясь в стороны от малейшего дуновения ветра. И так волна за волной. Самые последние волны были ближе всех к успеху, но все-таки не образовали ту необходимую критическую массу, которая требовалась для выполнения поставленной задачи. Произошли изменения, и были выпущены новые семена. Грядущий успех оставался лишь делом времени.

Большая часть семян хорошо переносила падение, однако настоящее испытание ожидало впереди. Миллиарды погибали при контакте с водой или низкими температурами. Часть семян выживала при приземлении, но местные условия зачастую оказывались непригодными для развития. Незначительное количество попадало туда, куда нужно, однако ветра сметали эти семена прочь, не давая прорасти.

И лишь ничтожное, микроскопическое количество семян обретало условия, идеальные для последующего роста.

Меньше, чем крупницы пыли, эти семена осторожно занимали свои места. Жесткие микрофиламенты с окончаниями в виде застежек-«липучек» помогали друг другу быстро закрепляться на поверхности. После спонтанного приземления начинались гонки со временем. Семена сталкивались с почти невозможной задачей обретения автономности и вели битву за выживание, которая начиналась для них в крошечных арахнидах.

По сути, это были обыкновенные клещи. Вид *Demodex folliculorum*. Будучи микроскопическими по размерам, демодекс все-таки крупнее частички мертвой кожи. Настолько крупнее, что может проглотить кусочек кожи. Демодексы прячутся главным образом в волосяных фолликулах, но иногда ночью выползают и путешествуют по коже организма-носителя, или «хозяина». Это не те паразиты, которые распространены лишь в условиях антисанитарии в странах третьего мира, где гигиена является роскошью. Они обитают на теле каждого человека.

Клещи «хозяина» проживали короткую жизнь, питаясь кожей и никогда не покидая его тела. В своем беспрестанном и безумном пожирании некоторые из клещей наталкивались на семена, которые выглядели подозрительно похожими на кусочки человеческой кожи. Клещи, не раздумывая, поглощали их; это был еще один питательный глоток на бесконечном и обильном банкете из мертвой плоти.

Пищеварительная система клещей усиленно трудилась над ломкой внешней оболочки семян. Ферменты, именуемые в медицине протеазами и ответственные за переработку белков, постепенно разъедали мембрану. Мембрана оказывалась надорванной в нескольких местах, но не растворялась полностью. Все еще невредимые, семена проходили через пищеварительный тракт клещей.

Вот где, собственно, все и начиналось – в микроскопической кучке клещевых испражнений.

Семенам необходима была определенная засоленность и влажность среды, что невольно обеспечивалось кожей организма-носителя. Подобные условия активизировали рецепторные клетки, тем самым подготавливая семена к росту. Но перед началом интенсивного развития должны были соблюдаться и другие условия.

В рецепте роста главным ингредиентом являлся кислород. За время своего продолжительного падения герметичная оболочка семян предотвращала попадание внутрь любых газов и их контакт с содержимым, которое – в случае его биологического происхождения

– можно было бы назвать эмбрионом. Пищеварительная система клещей-демодексов разрушала защитную внешнюю оболочку семян, обеспечивая доступ кислорода. Рецепторные клетки автоматически оценивали создавшиеся условия, реагируя в изысканной и замысловатой биохимической пляске, которая воспринималась как предполетный контрольный перерыв.

Уровень кислорода? – Проверить.

Уровень минерализации? – Проверить.

Уровень влажности? – Проверить.

Температура? – Проверить.

Миллиарды микроскопических семян проделали длинный-предлинный путь. Миллионы пережили первоначальное падение, и лишь тысячам посчастливилось попасть в пригодную для произрастания среду. Сотни сумели обрести конкретный организм-носитель. Всего несколько десятков достигли голой кожи, а некоторые погибли, завершив путь в экскрементах насекомых. В общей сложности проросли лишь девять семян.

Далее наступила фаза интенсивного роста. Клетки делились посредством митоза, и каждые несколько минут их число удваивалось, поглощая энергию и извлекая строительные элементы из пищи, запасенной внутри семян. Живучесть рассады зависела от скорости: необходимо было погрузить корни во влажную среду и выработать защиту в условиях, грозящих вскоре стать неблагоприятными. Семенам не требовались листья – нужен был лишь главный корень, который в растительных эмбрионах называется радикулой, или «корешком». Эти радикулы являлись «линией жизни» семян, средством, за счет которого они могли соединиться с новой для них средой.

Главной задачей радикул являлось проникновение в кожу. Первое препятствие образовывал верхний слой кожи, состоящий из клеток, заполненных жестким волокнистым кератином. Микроскопические корни росли вниз, медленно, но верно пробивая этот барьер и проникая в более мягкие ткани, расположенные ниже. Одно из семян не смогло пробить внешний слой. Рост прекратился, и семя погибло.

Осталось восемь штук.

Преодолев первое препятствие, корни интенсивно росли вглубь, минуя эпидермис и проникая в дерму, сквозь слой жировых клеток подкожного слоя. Рецепторные клетки измеряли перемены, происходящие в химическом составе и плотности. После прохождения подкожного слоя, непосредственно перед мышцами, корни претерпевали фазовые изменения. Каждый из восьми корней становился центром нового организма.

Наступала вторая стадия развития.

Такой быстрый рост серьезно обеднял питательные запасы семян. Став не более чем средством доставки, маленькая оболочка отпадала. Начинали рост корни второй стадии. Они не были похожи на корни дерева или любого другого растения, а представляли собой нечто вроде крохотных щупалец, отрастающих из единого условного центра. Щупальца поглощали из новой для себя среды кислород, белки, аминокислоты и сахар. Словно биологические транспортеры, корни встраивали эти строительные «блоки» в новый организм, подпитывая и стимулируя клеточный рост. Одно из семян закончило свой путь на лице носителя, как раз над левой бровью. Оно не смогло извлечь достаточное количество «топлива» для подпитки процесса развития второй стадии. У него попросту истощились энергетические запасы. Некоторые части семени-саженца продолжали расти, автоматически вытягивая питательные вещества из организма-носителя и создавая бесполезное сырье, но для любых целей и задач этот саженец был навсегда потерян.

Так число семян сократилось до семи.

Выжившие саженцы приступили к строительству. Первым «сооружением» стала микроскопическая подвижная субстанция, которая – при наблюдении в электронный микроскоп – выглядела словно волосяной шарик с двумя пилообразными челюстями. Эти челюсти кромсали клетку за клеткой, разрывали мембраны, отыскивали ядро и засасывали его внутрь шарика. Шарики считывали ДНК, копию человеческого организма, определяли код биологических процессов, структуру мышц и костей. Но для шариков ДНК представляли собой лишь отпечатки, шаблоны. Считав их, шарики передавали информацию саженцам.

Получив данные, семерка поняла, что требовалось построить для последующего роста. Не на сознательном уровне, а в сыром, первоначальном состоянии ввода и вывода данных, как у машины. Чувствительность роли не играла – организмы считывали модель и знали, как поступить дальше.

Саженьцы высасывали сахар из кровотока и растворяли его; получался химический состав, служивший основой для прочного и гибкого строительного материала. По мере накопления строительных «блоков» организмы создавали очередные автономные подвижные структуры. Там, где шарики скапливались вместе, возникали микроструктуры. Используя растущие запасы строительных материалов, новые элементы начинали плести оболочку. Без быстрого роста защитной оболочки новый организм не просуществовал бы дольше пяти дней.

Вот сколько требовалось для того, чтобы достичь третьей стадии.

4

Понедельник – день тяжелый

Перри Доуси откинул покрывало, ненадолго подставив тело прохладе зимнего утра, – и вздрогнул. Часть мозга настойчиво призывала его установить будильник на четверть часа позднее и подремать еще немного. Однако небольшая оттяжка во времени не помогла разрешить сомнения.

«Видишь? – казалось, твердил ему внутренний голос. – Сегодня утром дьявольски холодно. Заберись под одеяло, там приятно и тепло. В конце концов, ты честно заслужил день отдыха».

Таков был его типичный утренний ритуал; внутренний голос всегда что-то советовал, но Перри никогда не слушался. Он поднялся и, шаркая, добрался из спальни до крохотной ванной. Линолеум встретил ноги неприветливым холодом. Закрыв за собой дверь, Перри включил душ, и ванная наполнилась приятным теплым паром. Когда он шагнул под поток воды, ворчливый утренний голос, как обычно, сразу куда-то растворился. За три года Перри ни разу не опоздал на работу...

Натерев себя мылом, он окончательно проснулся. В левом предплечье ощущалось жжение от легкой чесотки, Перри рассеянно скреб его ногтями. Он отключил душ, вышел, схватил смятое полотенце, висевшее на рейке рядом со шторкой, и насухо вытерся. Пар скопился наверху в виде облака, которое плавно изменяло свою форму с каждым его движением.

Ванная была едва больше чулана. Справа от двери располагалась маленькая стойка из формайки³ с раковиной для мытья рук. Некогда сверкающая и белая, керамика была покрыта оранжево-коричневыми пятнами от жесткой воды. Возле раковины имелось достаточно места для зубной щетки, пены для бритья и потрескавшегося куска мыла. Все остальные принадлежности покоились в аптечке возле зеркала, повешенного над раковиной.

Рядом со стойкой находился унитаз, краем почти упирающийся в ванную. Вообще, последняя была настолько мала, что Перри мог сидеть на унитазе и касаться дальней стенки, не наклоняясь вперед. Использованные разноцветные полотенца, шторка над ванной, обе части дверной ручки создавали «махровый» контраст с зеленоватыми стенами и потрепанным желто-коричневым линолеумом.

Единственным элементом обстановки были исцарапанные и испещренные ржавчиной цифровые весы. Со вздохом отвращения Перри встал на них. Нижний ЖК-индикатор «единиц» никогда не загорался, последняя цифра выглядела как «А», а не «8», но все это не могло скрыть вес: 268 фунтов.

Перри сошел с весов. Снова зачесалось – на левом бедре, как от укуса комара. Мужчина дернулся и хорошенько почесал это место.

Перри прекратил вытирать волосы, резко отбросив руку. Над левой бровью он ощутил внезапную боль – тупую и ноющую, как от случайно содранного прыща.

Полотенцем он вытер запотевшее зеркало. Ярко-рыжая борода и прямые светлые волосы – таков был странный отличительный признак мужчин рода Доуси на протяжении ряда поколений. Волосы он отращивал до плеч – не ради стиля, а скорее, потому, что это помогало скрыть поразительное сходство с отцом. С возрастом отражение в зеркале все чаще выглядело как лицо, которое Перри больше всего хотел забыть.

– Долбаная сидячая работа. От нее так и прет.

³ Формайка – материал, изготавливаемый из ламинированных листов пластика и включающий в свой состав меламин. Применялся как практичное покрытие для столешниц, укрепившись в обиходе в 1950–1960-е гг.

Перри сосредоточил внимание на прыщике над бровью. Тот выглядел как вполне нормальный прыщик, но вместе с тем был довольно странным. Маленький шишковатый нарост, как от укуса крохотного насекомого.

Что за чертовщина?

Перри нагнулся вперед, почти коснувшись кожей зеркала, и надавил пальцем на болезненное место. На ощупь твердая кожа, из которой наружу выступало что-то совсем крохотное. Что-то черное... микроскопическое пятнышко. Несколько секунд Перри тер его ногтями, но боль лишь усилилась. Возможно, вросший волос или что-то в этом роде. Надо оставить его в покое и разобраться позже.

Перри протянул руку к баночке с кремом для бритья. Он всегда внимательно осматривал себя в зеркале, прежде чем побриться и вычистить зубы, – не из тщеславия, просто чтобы увидеть, насколько он отличается от «старого маразматика».

В колледже Перри, защитник футбольной команды, порой ловил на себе восхищенные взгляды; его тело было сильным и мускулистым, словно вытесанным из камня. Однако через семь лет после травмы колена, положившей конец спортивной карьере, произошли изменения: мышцы лишились былой эластичности, на их месте образовались обширные жировые отложения. Избыточный вес не так уж бросался в глаза, и Перри все еще привлекал к себе женские взгляды, однако для него самого разница была ой как заметна.

Перри побрился, пригладил волосы и в завершение утренней процедуры почистил зубы. Выскочил из ванной и вновь оказался в холодной квартире. Быстро натянул джинсы, старую футболку с фотографией группы «AC/DC» и теплую толстовку с эмблемой «Золотоискателей из Сан-Франциско»⁴. Укрывшись, наконец, от холода, он направился в свой кухонный уголок. Просто «кухней» это место назвать было трудно, поскольку ниша размером шесть на восемь футов с плитой, шкафчиками и небольшим холодильником могла называться только «уголком», но никак не «кухней».

Он подошел к серванту с «поп-тартсами»⁵, выгнул спину от нестерпимого и болезненного зуда под лопаткой, закинул руку за плечо, чтобы почесать болезненное место.

Уняв зуд, Перри подумал, что, наверное, подхватил сыпь, а может, просто кожа зимой слишком сильно сохнет. Он вытащил коробку «поп-тартсов» и извлек серебристый пакетик. Цифровое табло микроволновки показывало 8.36. Запихнув вишневый «поп-тартс» в рот, Перри шагнул к компьютерному столу и принялся укладывать бумаги в потрепанный, местами заклеенный скотчем портфель. На выходных он хотел выполнить кое-какую работу, но в субботу играли «Вожди» и «Рейдеры», а все воскресенье он провел перед экраном телевизора, наблюдая за различными соревнованиями на спортивном канале. Вечер завершился походом в бар, где Перри не без удовольствия посмотрел, как надрали задницу «Львам»⁶.

Застегнув портфель, Перри набросил плащ, схватил ключи и вышел из квартиры. Миновав три лестничных пролета, вышел из здания и окунулся в пронизывающий декабрьский холод. Ощущение было такое, словно в лицо и руки вонзились тысячи маленьких булавок.

Затолкав в рот второй «поп-тартс», Перри направился к своему двенадцатилетнему, изрядно тронутому ржавчиной «Форду», молясь всем богам подержанных авто, чтобы сегодня его старушка обязательно завелась и не доставила особых проблем.

Свою машину Перри никогда не запирает – кому она нужна? Усевшись, он захлопнул дверцу. Покрытые инеем стекла с трудом пропускали свет утреннего солнца.

⁴ «San Francisco 49ers», также «Найнеры» – команда Национальной футбольной конференции (американский футбол).

⁵ «Поп-тартс» – сладкие пирожки. Производятся компанией «Келлогг»; продаются в виде полуфабрикатов, перед употреблением разогреваются в тостере.

⁶ «Вожди» (Kansas City Chiefs), «Рейдеры» (Oakland Raiders), «Львы» (Detroit Lions) – команды по американскому футболу.

– Ну, давай, сестричка, – пробормотал Перри, затаив дыхание, и издал победное ворчание, когда «старушка», слегка «прокашлявшись», завелась-таки с первой попытки.

Перри схватил щетку для очистки льда и вышел из машины, но тут нестерпимо зачесалась правая ягодица. Он машинально схватился за беспокойное место и принялся растирать его и скрести ногтями. Дернувшись, не удержал равновесия и растянулся на парковке. Джинсы пропитались влагой от мокрого снега.

– Да уж, – проговорил Перри, тяжело вставая и отряхиваясь. – Сегодня определенно понедельник.

5

Архитектура

Оболочки увеличивались в размерах и становились прочнее. Они были все еще слишком маленькими, чтобы различить их невооруженным глазом, но с течением времени могли заметно вырасти. Те же крохотные клеточные устройства, построившие защитные оболочки, использовали доступный материал, чтобы начать создавать то, что находилось под оболочками, – каркас, предназначенный для нового, более крупного организма.

Растущего организма.

Саженьцы строили свою третью и окончательную свободно перемещающуюся микро-структуру. Если сначала возникали «считыватели» ДНК-отпечатков, потом «строители» оболочек-раковин и каркаса, то теперь настала очередь «пастухов».

«Пастухи» размывались в теле организма-носителя в поисках очень специфичной разновидности клеток – стволовых. ДНК-снимки показывали, что именно стволовые клетки необходимы саженьцам. «Пастухи» отыскивали стволовые клетки, отрезали их и тащили за собой назад, к строящемуся каркасу. Сначала «пастухи» закрепляли стволовые клетки на каркасе при помощи простых химических связей, затем в дело вступали шарики-«считыватели».

Пилообразные челюсти врезались в стволовую клетку, но на сей раз действовали более нежно. Микрофиламенты с нанометрической точностью проникали в ДНК стволовых клеток. Проникали и начинали производить перемены.

Потому что «считыватели» явились сюда не только для того, чтобы *считывать*...

Они также были предназначены для *записи*.

Стволовые клетки не обладают сознанием. Они понятия не имели о том, что их только что поработили. Они делали то, чем всегда занимались: выращивали новые клетки. Производимые ими новые сегменты лишь слегка отличались от тех, которые должны были быть сформированы изначально. Новые клетки распространялись по растущему каркасу, образуя мышцы и другие, более специфичные ткани.

То, что являлось в виде микроскопического семени, атаковало организм носителя и, используя встроенные биологические процессы, создавало нечто чуждое этому организму, причем способом, еще более скрытым и непонятным, чем способ формирования вируса.

У саженьцев не было концепции времени, но миссия их завершалась за несколько коротких дней.

6 Рутина

Перри вошел в офис «Америкэн компьютер солюшнз» минут за шесть-семь до девяти. Не спеша направился по коридору к своей кабинке, по ходу здороваясь с коллегами. Опустившись в кресло, он бросил портфель на серую крышку стола и включил компьютер. Тот издал тонкий звук, словно обрадовавшись, что выходит из состояния вынужденного покоя, и приступил к циклам прогрева и процедуре проверки оперативной памяти. Перри бросил взгляд на настенные часы, которые висели достаточно высоко, чтобы каждый мог увидеть их из своей кабинки. 8.55. То есть, когда стукнет 9.00, он уже будет всю погружен в работу.

– Хочу тебя кое о чем попросить, – проговорил женский голос за его спиной.

Перри не удосужился повернуться, открыл портфель и вытащил пачку беспорядочно сложенных бумаг.

– Сегодня никак, работы по горло, босс, – ответил он, слегка улыбнувшись своей ежедневной шутке. – Может, в следующий раз?

– Позвонил Самир Кансил из «Пуллмана», – продолжала женщина. – У них там опять проблемы с сетью. Позвони им, пожалуйста.

– Хорошо, мэм.

Сэнди Родригес покинула кабинку Перри и ушла к себе. Большая часть персонала, отвечающего за работу с клиентами, опаздывала на несколько минут, но Перри всегда приходил вовремя. Сэнди редко обращала внимание на время прихода. Все знали, что ей по большому счету все равно, если люди немного опаздывали. Главное, чтобы они не злоупотребляли такой поблажкой и справлялись с работой. Перри, тем не менее, всегда приходил вовремя.

Именно Сэнди дала ему тот единственный шанс, когда Перри сидел без работы и у него не было поручителей, чтобы надеяться на положительный результат при собеседовании. После того, что произошло на прежнем рабочем месте, Перри был уверен, что никто и никогда не согласится принять его. Но сосед по общежитию в колледже Билл Миллер замолвил за него словечко в «АКС», и Сэнди согласилась.

Когда его кандидатуру одобрили, Перри поклялся себе, что никогда не подведет начальницу. В частности, будет своевременно приходить на работу. Как любил повторять его отец, тяжелый труд ничем не заменишь. Перри отбросил неожиданную и неприятную мысль об отце: не хотелось начинать день в плохом настроении.

Двадцать пять минут спустя в соседнюю кабинку проскользнул его приятель Билл Миллер. Он, как обычно, опоздал – и, тоже как обычно, ему на это было наплевать.

– Доброе утро, неженка, – пропел Билл своим тягучим монотонным голосом. – Сладко ли спалось?

– Знаешь, Билл, я давно вышел из детского возраста. Хочу верить, что и тебе удастся когда-нибудь повзрослеть. Я вчера вон сколько на грудь принял, а на работе вовремя.

– Ты молодчина, приятель, – сказал Билл. – Хотя в действительности я выпил больше тебя.

Перри хотел было ответить, но отвлек пронизывающий зуд в правой ключице. Он продавил пальцами толстовку, стараясь расчесать зудящее место. Может, аллергия? Или ночью в постель пробрался паук и случайно укусил его?

Перри заскреб сильнее, намереваясь покончить с опостылевшим зудом. И тут напомнило о себе раздражение на предплечье.

– Что, приятель, блохи заели? – послышался сверху голос Билла, необычайно четкий, словно разделительная перегородка перестала служить для него препятствием.

Билл перегнулся через панельную стенку, разделявшую кабинки, и его голова оказалась всего в нескольких дюймах от потолка. Он не раз так делал, забираясь на стол. Билл, как всегда, выглядел безупречно, несмотря на то, что покинул бар одновременно с Перри. А ведь он проспал не более четырех часов. Голубые глаза, аккуратно подстриженные темные волосы и чисто выбритое детское лицо, лишенное даже мельчайших кожных дефектов, делали его идеальной моделью для рекламы какого-нибудь сверхэффективного крема от прыщей.

– Ничего особенного. Просто какое-то насекомое укусило, – ответил Перри.

Билл кивнул и молча ретировался на свое место за стенкой.

Перри перестал чесаться, хотя зуд продолжал беспокоить, и активировал в компьютере файл «Пуллмана». Заодно он запустил программу мгновенного обмена сообщениями. Хотя люди порой находятся друг от друга в нескольких метрах, обмен сообщениями доказал свою эффективность и стал предпочтительным методом бесед в офисе. Особенно с Биллом, занимавшим кабинку по соседству.

Перри начал свой дневной ритуал с сообщения в адрес Билла – «StickyFingazWhitey».

Bleedmaize-n-blue: *Эй, привет. Что у нас с вечерним футболом в понедельник?*

StickyFingazWhitey: *Носит ли папа римский женское белье?*

Bleedmaize-n-blue: *Наверное, фраза должна была звучать так: «Носит ли Папа забавную шляпку»???*

StickyFingazWhitey: *У него просторное платье. Хотя, по моим источникам, он недостойн носить белое. Если ты, конечно, в курсе, что я имею в виду.*

Перри фыркнул. Он знал, что выглядит сейчас как идиот: плечи трясутся, голова опущена, а рука прикрывает рот, чтобы как-то сдержать смех.

Bleedmaize-n-blue: *Все, прекращай. Не хочу, чтобы Сэнди подумала, будто я снова смотрю клипы в YouTube.*

StickyFingazWhitey: *Как насчет того, чтобы бесплатно посмотреть «Необузданного папу», мистер? Эх, больной, несчастный ты наш человек!*

Перри рассмеялся, на этот раз громко, не сдерживаясь. Билла он знал... бог ты мой, уже, наверное, лет десять?! Первый год пребывания в колледже выдался у Перри непростым, именно тогда проявилась его склонность к вспыльчивости и неприкрытой агрессии. Из Мичиганского университета Перри не отчислили лишь благодаря исключительной преданности американскому футболу и знанию всех тонкостей игры. Поначалу его пытались подселить в комнаты к другим игрокам, но Перри всегда рассматривал их как соперников. На почве соперничества неизбежно возникали перепалки. После третьей подобной ссоры тренеры готовы были лишить Перри стипендии и выгнать.

Пусть этот придурок отправляется искать счастья в другие школы, а в Мичиганском университете ему не место.

Тем не менее потерять его они все-таки не захотели. Тренерам важна была ярость игрока на поле. Когда об этом узнал Билл, то сам напросился в соседи к Перри. Билл был племянником одного из помощников главного тренера футбольной команды. С Перри он познакомился во время посвящения в студенты, и между ними завязались весьма неплохие отношения. Перри вспоминал, что в первые трудные месяцы лишь неугомонный юмор Билла мог вызвать у него улыбку.

Все думали, что Билл сумасшедший. С чего бы невысокому (165 см) и легкому (60 кг) англичанину добровольно подселаться в комнату к мощному защитнику, пересчитавшему ребра трем своим соседям, каждый из которых являлся значимым игроком Первого дивизиона? К всеобщему удивлению, они сумели найти общий язык и даже подружиться. У Билла, как оказалось, был талант рассмешить кого угодно, хоть дикого зверя. Билл сумел спасти не только спортивную карьеру Перри, но еще и студенческую. И Перри никогда не забывал об этом.

Он знал Билла десять лет и все это время ни разу не слышал, чтобы его друг дал прямой ответ на любой вопрос, который не был так или иначе связан с работой.

Из кабинки Билла доносились звуки музыки. Допотопная песенка в исполнении дуэта Сонни и Шер, которому Билл подпевал «У меня чесотка» вместо оригинального текста – специально, чтобы подсолить и заодно подзадорить Перри.

На экране компьютера мелькнуло очередное сообщение:

StickyFingazWhitey: *Думаешь, «Грин-Бей»⁷ задаст сегодня вечером трепку «Найне-рам»?*

Перри не стал печатать ответ, он даже толком не понял вопрос. Лицо замерло в маске ожесточенной сосредоточенности, которую со стороны можно было принять за ощущение боли. Он боролся с отчаянным желанием чесаться, правда, теперь зуд был сильнее, чем прежде, и исходил из куда более интимного места.

Перри приник к клавиатуре, собрав остатки былой спортивной дисциплины, чтобы не почесать себе... левое яичко.

⁷ «Green Bay Packers» – команда Национальной футбольной лиги (американский футбол).

7

Полный бардак

Дью Филлипс плюхнулся в пластиковое кресло рядом с телефоном-автоматом. После такого испытания даже молодой человек почувствовал бы себя собачьим дерьмом недельной давности, а в пятьдесят шесть, как у Дью, юность осталась далеко позади. Измятый костюм источал смешанный запах пота и дыма. Густого черного дыма, который бывает только при пожаре. Этот запах казался чуждым в чистых помещениях больницы. В глубине души Дью чувствовал, что следует быть благодарным Богу за то, что он сейчас находился в приемной муниципального госпиталя Толедо, а не в герметичном карантинном помещении в Центре контроля заболеваний в Цинциннати, но на подсчитывание преимуществ сил уже не хватало.

Неровные полосы жирной копоты покрывали почти всю левую половину его потрепанного временем и испещренного глубокими морщинами лица. Копоть осталась и на лысине, напоминая о том, что пламя совершало свою опасную пляску где-то совсем рядом. Остатки рыжих волос в затылочной части, между ушами, чудом избежали контакта с огнем и не почернели от сажи. Дью выглядел изможденным настолько, что, казалось, мог в любую секунду свалиться.

Он всегда носил с собой два сотовых телефона. Один тонкий, пластиковый, в общем, обыкновенный мобильник. Дью использовал его в большинстве случаев. Корпус другого был металлическим и на вид громоздким. Телефон был напичкан самым современным шифровальным оборудованием, в котором Дью ни черта не смыслил. Он вытащил большой телефон и набрал номер Мюррея.

– Добрый день, – послышался в трубке деловитый женский голос.

– Соедините меня с Мюрреем.

В телефоне дважды щелкнуло, и его поставили в режим ожидания. В качестве заставки звучала «Satisfaction» «Роллинг Стоунз».

«Господи, – подумал Дью. – Даже в сверхсекретных линиях связи не обходится без этих долбанных песен!»

Вскоре в трубке послышался властный голос Мюррея Лонгуорта, и Дью сразу позабыл о своем раздражении.

– В чем дело, Дью?

– Полная херня, сэр, – ответил Филлипс. Опустив голову, он впервые заметил, что подошвы ботинок расплавились, а потом, остывая, пропитались беспорядочной смесью песка и битого стекла, которая застыла прочным слоем. – Джонсон тяжело ранен. Врачи говорят, его жизнь висит на волоске...

– Черт!..

– Да уж, – тихо проговорил Дью. – Хорошего мало.

Мюррей помолчал, словно давая понять, что жизнь Малколма значит для него больше, чем поставленное задание, а затем продолжил:

– Вы взяли его?

– Нет, – хрипло ответил Дью. – Возник пожар.

– Останки?

– Здесь, в госпитале, ждут вашего эксперта.

– Состояние?

– Между средним и удовлетворительным. Думаю, эксперту есть над чем поработать.

Мюррей ненадолго замолчал.

– Сам с ним побудешь, или мне кого-нибудь прислать?

– Вы не вытаскивайте меня отсюда даже упряжкой мулов, сэр.

– Я так и думал, – сказал Мюррей. – Место вы, надеюсь, проверили и провели стерилизацию.

– Как в аптеке.

– Хорошо. Маргарет уже выехала. Окажи ей необходимую помощь. Я приеду, как только смогу. Подготовишь полный отчет.

– Есть, сэр. – Дью отключил аппарат и снова плюхнулся в кресло.

Малколм Джонсон находился в критическом состоянии. Значительная часть его тела получила ожоги третьей степени. Да еще страшная рана в животе от удара тесаком... Шансы на спасение невелики.

Дью многое пришлось повидать на своем веку – сначала во время войны во Вьетнаме, потом за три десятилетия службы в Агентстве, – но такого субъекта, как Мартин Брубейкер, ему видеть не приходилось. Его страшные глаза... они были полны бешенством. Брубейкер, без ног, охваченный пламенем, словно голливудский каскадер, размахивавший ужасным тесаком...

Дью опустил голову и обхватил ее руками. Эх, если бы он среагировал быстрее, если бы у него оказалась в запасе хотя бы парочка секунд! Он наверняка сумел бы удержать Малколма от попытки сбить пламя. Ему, Дью, с его-то опытом, следовало бы знать, что произойдет: Блейн Танариве, Шарлотта Уилсон, Гэри Лиленд – все попытки задержания этих людей завершились гибелью. Почему он решил, что с Брубейкером произойдет нечто другое? А с другой стороны, кто мог подумать, что придурок спалит весь дом?

Следовало сделать еще один звонок – жене Малколма. Дью сомневался, что Малколм будет еще жив к тому времени, когда Шамика прилетит из Вашингтона.

Да, очень сильно сомневался.

8

Не желаете ли взглянуть?

В обеденный перерыв Перри закрылся в одной из туалетных кабинок и сел на крышку унитаза, спустив штаны ниже колен и сбросив на пол модную толстовку. В верхней части левого предплечья, на левом бедре и правой голени появилась красная сыпь. Нестерпимо чесались еще три источника зуда: пальцы безошибочно говорили о том, что аналогичная сыпь появилась на правой ключице, на позвоночнике сразу под лопатками и на правой ягодице. И вдобавок – на левом яичке, о чем Перри старался не думать.

Иногда зуд усиливался, иногда прекращался, но временами безжалостно охватывал и точил тело сразу в нескольких местах. Ну точно, пауэчи укусы, думал Перри. А может, это сороконожка? У нее, насколько ему было известно, очень неприятный яд. Больше всего Перри удивляло, что он спокойно спал во время атаки насекомых. Что бы ни явилось источником укусов, наверное, все произошло как раз перед тем, как он проснулся. Во всяком случае на теле не было видно никаких следов, когда он собирался на работу, то есть яд только поступил в организм, а реакции еще не последовало.

Конечно, чесотка доставляет неудобства, однако в целом волноваться не о чем. Просто надо постараться не расчесывать зудящие места, и постепенно все пройдет. Если оставить их в покое, то они исчезнут сами по себе. Проблема заключалась в том, что Перри всегда было трудно игнорировать свои кожные дефекты, будь то корки, прыщи, волдыри или что-нибудь еще, но дурная привычка беспокоить их все равно ни к чему хорошему не приводила. Нет, надо сосредоточиться и «играть, невзирая на боль», как повторял его футбольный тренер в институте.

Перри встал, застегнул штаны, натянул толстовку. Глубоко вдохнул и попытался забыть о своих неприятностях. «Испытание воли. Проверка дисциплины. Мне нужно стать дисциплинированным».

Он вышел из туалета и отправился к своему рабочему месту, готовый, отбросив тревожные мысли, вновь с головой окунуться в работу.

9

Дорогое удовольствие быть боссом

Мюррей Лонгуорт просмотрел список членов персонала, имевших достаточную категорию допуска для участия в проекте «Танграм». Список был короткий. Малколм Джонсон выбыл из строя. При этом Дью оставался без напарника, и ему предстояло действовать в одиночку. Собственно, поначалу Мюррей так и планировал, но Дью настоял, чтобы к нему подключили Джонсона. Мюррей покачал головой: решение останется на совести Дью и будет теперь его мучить всю жизнь.

Неизбежные потери, к сожалению, являлись неотъемлемой частью их работы. Ты посылаешь цветы на кладбище и продолжаешь двигаться вперед. Мюррей это понимал. Дью – никогда. Поэтому Мюррей сейчас второй человек в ЦРУ, а Дью Филлипс – всего лишь исправный оперативник, но такой же ворчун, как и прежде. Ворчун в приличном костюме.

Пять президентов страны призывали Мюррея Лонгуорта. Его вотчина – секретные операции, разные тайны и неприятности, которые никогда не войдут в учебники по истории, но с которыми, так или иначе, необходимо иметь дело. На этот раз президент Соединенных Штатов попросил Мюррея выяснить, что за феномен превращает нормальных, законопослушных американцев в безумных убийц. Причем речь шла о том, чтобы привлечь к делу его, Мюррея из ЦРУ, а не представителя ФБР, занимавшегося расследованиями происшествий внутри страны. Вообще-то, ЦРУ не вправе проводить такую операцию на территории США, однако президент пожелал задействовать именно Мюррея – если речь идет о терроризме, требуется более изощренная тактика. А порой, в случае необходимости, и противозаконная.

На данный момент имелось пять жертв, и грозящее бедствие могло обернуться для страны беспрецедентной паникой. А информации было очень мало. До сих пор Мюррей прекрасно справлялся с работой, которая заключалась в том, чтобы проливать как можно меньше света на те или иные вещи или события. В его непосредственном подчинении находилось больше сотни человек, однако едва ли десяток имел представление о том, что происходит. Исчерпывающей информации не было даже у Объединенного комитета.

Когда доктор Маргарет Монтойя впервые передала в ЦРУ свой первый и весьма необычный отчет, информация в конечном итоге легла на стол Мюррея. Нет, эта дама не была эксцентричной особой или пессимисткой, переживающей по поводу надвигающейся глобальной катастрофы. Она работала в Центре по контролю над заболеваниями и заподозрила, что, возможно, напала на след нового биологического оружия террористов. Ее полномочия и изрядная настойчивость убедили некоторых дать ход звонку через телефонный лабиринт, продвигая на каждом уровне все выше и выше, до тех пор, пока о звонке не узнал сам Мюррей Лонгуорт.

Маргарет сообщила, что не стала передавать информацию по соответствующим каналам в ЦКЗ, поскольку боялась утечки. Мюррей понимал, что это верно лишь отчасти – на самом деле ей хотелось немного «засветиться», обрести известность человека, лично отследившего эксцентричного убийцу. Если бы Монтойя стала действовать по обычным каналам, то какой-нибудь начальник мог перехватить у нее дело, а вместе с ним и признание вышестоящих властей.

Мюррей Лонгуорт встретился с Маргарет. Ему стоило лишь взглянуть на отчеты – а также на фотографии Шарлотты Уилсон и Гэри Лиленда, – чтобы убедиться в ее правоте: на горизонте появилась новая угроза.

Маргарет, естественно, не являлась мировым авторитетом по заболеваниям или нобелевским лауреатом. Она была компетентным эпидемиологом, работавшим в отделении Цен-

тра по контролю над заболеваниями в Цинциннати, и даже не имела доступа в главный офис ЦКЗ в Атланте. Мюррей знал, что может распорядиться о переводе Монтойи в свое подчинение, и лишь горстка лиц заметит ее отсутствие.

Он организовал работу по поиску малейших ссылок на «треугольники» – всего, что могло навести на след. В результате таких поисков удалось наткнуться на Блейна Танариве, который неделей раньше звонил на телестанцию в Толедо, сообщив о «заговоре треугольников». В отчетах мистер Танариве описан как «параноик» и личность «с нарушенной психикой».

Два дня спустя соседи обнаружили в доме трупы Танариве и всех членов его семьи. Сообщалось, что тело Танариве находится в «сильной степени разложения». Жена и обе дочери тоже были найдены мертвыми. Судебные эксперты выяснили, что женщине и двум девочкам нанесли по меньшей мере два десятка ран ножницами. Затем специалисты передали отчет о телефонном звонке Танариве, в котором тот твердил о «заговоре треугольников».

Танариве никогда не отличался жестокостью. Ни у него, ни у членов его семьи никогда не было психических заболеваний. Исследователи списали все на внезапный, трагический и необъяснимый всплеск умопомешательства. Дело считалось закрытым до тех пор, пока Мюррей не распорядился о поиске любой информации, связанной с «треугольниками».

Данных, полученных от Маргарет, вместе с делом Танариве было для Мюррея пока вполне достаточно. Он передал все директору ЦРУ, затем попросил об экстренной встрече с президентом. Не с начальником штаба или министром обороны, а именно с первым лицом страны. Мюррей, естественно, не забыл привести туда и Монтойю.

Ее сообщение оказалось весьма убедительным. Внимание президента привлекли фотографии голубых треугольных опухолей у Гэри Лиленда и схожих гниющих новообразований на трупe Шарлотты Уилсон, а также фотографии разъеденного шрамами, тощего тела Блейна Танариве, покрытого жутким зеленым пухом.

Президент предоставил Мюррею карт-бланш.

Мюррей имел полномочия взять под свое начало кого угодно, но большая команда ему была не нужна. Во всяком случае, пока. Нужно держать все в секрете. Стоит просочиться хоть какой-нибудь информации, и улицы охватит небывалая паника. Скорее всего, страна перейдет в качественно новое состояние: люди не захотят покидать свои дома, боясь подцепить страшную болезнь, а те из них, кто покинет, заполнят приемные отделения больниц, напуганные любым комариным укусом. Однако рано или поздно новости неизбежно выплывут наружу. Необходимо собрать как можно больше информации, прежде чем начнется паника.

Пять случаев – и потом еще два после встречи с президентом. Джуди Вашингтон, шестидесяти двух лет, была обнаружена через день после смерти Гэри Лиленда, но, очевидно, ее заражение произошло раньше. Дью с напарником обнаружили разъеденный труп в поле, неподалеку от коммуны пенсионеров, где жили она и Лиленд. Инфекция у Джуди была в самом разгаре. Теперь – новый ужас под названием Мартин Брубейкер. Пять случаев за шестнадцать дней, и у Мюррея возникло стойкое предчувствие, что этим не ограничится.

Он был уверен: ситуация станет еще хуже.

10

Полвскрытия все же лучше, чем ничего

Маргарет Монтойя вынуждена была признать себе, что глубоко взволнована возможностью исследовать свежее тело. Прежде всего, она врач, целитель – в этом состояло ее обучение, если не истинное призвание, и неприкосновенность, святость человеческой жизни имела для нее первостепенное значение. Тем не менее профессиональное возбуждение начисто заслонило все остальные чувства, как только Мюррей Лонгуорт поручил ей прибыть в Толедо.

Маргарет не была особенно обрадована по поводу очередной смерти. Какая уж тут радость. Но нужно было увидеть тело, не испорченное ускоренным процессом разложения. Не просто еще одно тело – на данный момент пятое, – а шанс добиться какого-нибудь прогресса в борьбе с болезнью, по сравнению с которой геморрагическая лихорадка Эбола и СПИД выглядели обычной простудой.

Многое могло измениться за столь короткое время. Шестнадцать дней назад она работала экспертом Координационного центра инфекционных болезней в Цинциннати. КЦИБ являлся подразделением ЦКЗ. Маргарет хорошо справлялась с порученной работой, но ситуация препятствовала эффективному продвижению по карьерной лестнице, и это несколько ее угнетало.

Потом Маргарет вызвали обследовать труп в Роял-Оук, в Мичигане, где мог быть обнаружен агент неизвестного инфекционного заболевания. Когда она увидела тело, или, скорее, то, что от него осталось, то поняла: появился реальный шанс заявить о себе. Всего через семь дней после обследования трупа Маргарет провела совещание с агентами ЦРУ Дью Филлипсом и Малколмом Джонсоном, заместителем директора ЦРУ Мюрреем Лонгуортом и с самим президентом страны. Она, Маргарет Монтойя, сидела рядом с президентом и участвовала в обсуждении жизненно важных для страны вопросов.

А теперь, менее суток после тайного совещания в Овальном кабинете, Маргарет, как главу государства, сопровождал агент ЦРУ. Она рассеянно жевала кончик ручки «пейпер-мейт», поглядывая на улицу с пассажирского сиденья, когда черный «Лексус» заезжал на территорию госпиталя Толедо.

На парковке вблизи главного и аварийного входов стояли четыре автомобиля внебюджетного телевидения.

– Черт побери! – проговорила Маргарет. Очень не хотелось сейчас иметь дело с прессой.

Водитель остановил машину и повернулся к ней.

– Отъехать куда-нибудь в сторону?

Это был удивительно приятный темнокожий мужчина по имени Кларенс Отто, которому Мюррей Лонгуорт специально поручил везде ее сопровождать. В основном, для «улаживания вопросов», как выразился сам Мюррей. Кларенс взял на себя заботы обо всех мелочах, с тем чтобы Маргарет могла полностью сосредоточиться на основной работе.

Забавно было осознавать, что Кларенс Отто – полноценный агент ЦРУ, в то время как она, эпидемиолог среднего уровня из ЦКЗ, с головой погружена в проблему, имеющую все шансы со временем стать величайшей угрозой, с которой когда-либо сталкивались Соединенные Штаты Америки.

Взгляды Отто отвлекали Маргарет, поэтому обычно она разговаривала с ним, отвернувшись в сторону.

– Да, пожалуй... лучше избежать общения с прессой и поскорее добраться до места. Дорога каждая секунда.

За свою двадцатилетнюю карьеру Маргарет обследовала на предмет различных заболеваний бесчисленное множество тел. Мертвое тело превращается в труп, требующий вскрытия и обследования. Труп помещают в холод, и он будет дожидаться тебя сколько нужно. Но не в данном случае. Из трех обнаруженных трупов два уже настолько разложились, что от них было мало толку. Еще один труп – первый из вышеупомянутых трех – буквально распортился на глазах у Маргарет.

Это был первый намек на то, что творится нечто странное и опасное. Парамедики в Роял-Оук доставили труп семидесятилетней Шарлотты Уилсон. Незадолго до собственной смерти Шарлотта мясоразделочным ножом убила пятидесятидвухлетнего сына. А потом бросилась на двух полицейских, истошно крича о том, что не позволит «кучке копов» взять ее живой. У полицейских не было выбора, пришлось стрелять на поражение. Парамедики сообщили о необычных наростах на теле женщины, каких раньше им никогда видеть не приходилось.

Десять часов спустя, во время вскрытия, странные новообразования побудили медиков позвонить в офис ЦКЗ в Цинциннати, откуда прислали Маргарет с группой экспертов. К тому времени, когда она прибыла сюда через шесть часов – а в итоге через шестнадцать после того, как женщину застрелили, – состояние трупа было уже неважным. За последующие двадцать часов от трупа остались лишь изъеденные кости, толстые куски непонятной зеленой плесени и лужа черной слизи. Замораживание никак не препятствовало разложению трупа. Даже в максимальном режиме. Фактор, атаковавший тело, представлял собой нечто совершенно новое, неизвестное, и вызванную им химическую реакцию нельзя было остановить.

Вскоре после разложения трупа Уилсон Маргарет активировала базы данных и провела анализ на слова «треугольный нарост». На глаза ей попала запись о Гэри Лиленде, пятидесятилетнем мужчине, который поступил в госпиталь с жалобами на некие треугольные новообразования. Менее суток спустя Лиленд поджег собственную больничную койку и совершил самоубийство. Фотографии Уилсон и Лиленда и послужили причиной прибытия сюда Маргарет.

Отто не спеша объехал новенькие автомобили телевизионщиков и скучающие съемочные группы. «Лексус» без номеров привлек несколько случайных взглядов, но не более того. Машина остановилась возле запасного выхода, однако здесь также поджидали репортер с телеоператором.

– Что сообщили прессе? – спросила Маргарет.

– САРС, атипичная пневмония, – ответил Отто. – То же самое, что и у Джуди Вашингтон.

Четырьмя днями ранее Дью Филлипс и Малколм Джонсон обнаружили разложившийся труп Джуди Вашингтон на пустыре неподалеку от дома престарелых в Детройте. Труп сохранился хуже всех – остался лишь изъеденный скелет и маслянистое черное пятно на земле. И ни кусочка плоти.

– Второй случай за восемь дней, – вздохнув, проговорила Маргарет. – Журналисты могут возомнить, что началась эпидемия САРС.

САРС, или тяжелый острый респираторный синдром, пресса не в первый раз называла очередной «кошмарной чумой». В то время как заболевание в перспективе являлось смертельным и в том же Китае унесло значительное количество жизней, для страны с эффективной системой здравоохранения, как, например, США, оно большой угрозы не представляло. САРС, тем не менее, заразное, переносимое по воздуху заболевание, что объясняло применение специальных биокостюмов и обязательное введение карантина. Итог по САРС? Доста-

точная угроза, чтобы на нее обратили внимание, однако по-настоящему серьезная лишь для пожилых людей и населения стран третьего мира. Только не для Америки.

Маргарет вышла из машины. Репортер с оператором встрепенулись и подскочили к ней. Свет камеры тут же направили в лицо, ко рту поднесли микрофон. Маргарет отпрянула, с трудом пытаясь сообразить, что лучше сказать, но тут подоспел Кларенс Отто: одной рукой он закрыл камеру, другой схватил микрофон и, отгородив Маргарет от журналистов, дал ей возможность пробраться к двери. Отто двигался с плавным изяществом танцора и скоростью атакующей змеи.

– Извините, – с очаровательной улыбкой проговорил агент. – Пока никаких вопросов.

Маргарет зашла, и дверь за ней плавно закрылась, отрезав путь неистово протестующим репортерам. Кларенс Отто умел обращаться с представителями СМИ. Впрочем, его способности этим, видимо, не ограничивались, и Маргарет часто думала о цэрэушнике, когда проводила в одиночестве ночи в гостиничном номере. Она полагала, что могла бы легко соблазнить Кларенса. Даже в сорок два года ее лоснящиеся черные волосы и темные глаза привлекали взгляды представителей сильного пола. Монтойя считала себя привлекательной женщиной, а мужчины называли ее «экзотической» красоткой. Маргарет все это казалось забавным, поскольку она была уроженкой Кливленда. Конечно, имелся лишний «багаж» вокруг бедер (а у кого, скажите, его нет?), да и морщинки становились все более заметными, однако Маргарет прекрасно понимала, что способна запросто свести с ума любого понравившегося мужчину. Сейчас ей нравился Кларенс.

Маргарет встряхнула головой, стараясь отбросить посторонние мысли. В состоянии стресса у нее всегда начинался сексуальный зуд. Как будто у тела оставался лишь один надежный способ ослабить психическое напряжение. Маргарет глубоко вздохнула. Сейчас ей предстоит обследовать очередной труп, и нужно держать гормоны под контролем.

Как только она вошла, еще один агент ЦРУ, на сей раз мужчина средних лет, пристроился сзади и теперь сопровождал ее через пустые коридоры. Маргарет поняла: этот человек, как и Кларенс, мало что знает о сути дела. Мюррею так было удобно – чем меньше людей посвящено в детали, тем меньше возможных утечек информации.

В помещении морга ждал Эймос Хант, единственный помощник в этой погоне за ответами в условиях биологического кошмара.

– Доброе утро, Маргарет.

Ей всегда казалось, что голос Эймоса чем-то напоминает лягушачье кваканье. Кваканье нетрезвой лягушки, медленное и ворчливое. Изнеженный и женоподобный, Эймос одевался модно, но с опозданием лет на десять, не меньше. Большинство людей при первом знакомстве подозревали в нем гея. Однако наличие супруги и двоих детей служили вескими доводами в пользу обратного. Хотя Эймос вечно выглядел невыспавшимся, энергии в нем было хоть отбавляй.

Эймос был с Маргарет в Роял-Оук, когда обследовали Шарлотту Уилсон. Он – один из лучших профессионалов своего дела и вместе с тем ее единственная надежда. Маргарет просила Мюррея дать ей больше людей, однако тот отказал; ему хотелось контролировать поток информации и ограничить до минимума количество посвященных в суть дела лиц.

– У тебя какой-то загадочный взгляд, Эймос.

– Ну не всем ведь дозволено флиртовать с президентом, моя дорогая. Становишься звездой, а?

– Заткнись и давай к делу. Времени совсем мало.

Они зашли в небольшую раздевалку, отделенную от остального пространства пластиковыми перегородками. Внутри каждой кабинки висел биокостюм, предназначенный для того, чтобы защитить обладателя от любых вредных факторов. От этих костюмов всегда

веяло каким-то злом, они напоминали о сожженной, свисающей лохмотьями человеческой коже.

Маргарет сняла одежду и провела обработку тела. Затем облачилась в спецкостюм, изготовленный из гибкого синтетического волокна «тайвек», непроницаемого для воздуха, химикатов и вирусных частиц. На лодыжках, запястьях и шее были сложные металлические кольца. Надев костюм, Маргарет поочередно просунула ноги в специальные ботинки, снабженные металлическими кольцами, совместимыми с соответствующими кольцами на костюме. Скрепила кольца вместе, и раздался характерный щелчок, сигнализирующий о герметичном соединении. Потом обмотала стык прочным коричневым скотчем, обеспечив дополнительную защиту ног от возможного заражения. То же самое Маргарет проделала с толстыми перчатками «тайвек», обмотав руки скотчем возле запястий. Скотч, конечно, излишество; тем не менее, увидев, какие загадочные вещи происходят с жертвами, Маргарет решила принять все меры предосторожности и, в частности, неплотно намотала на руки несколько слоев ленты, – если костюм получит повреждения, она сможет быстро залатать их.

Непонятно, каким образом происходит распространение инфекции. За исключением общих симптомов, между пятью известными жертвами не было никакой связи. Инфекция могла передаваться через контакт с неизвестным человеческим носителем; воздушно-капельным путем (хотя такой путь представлялся весьма маловероятным, поскольку никто из тех, кто обследовал трупы, ничем не заразился); через традиционные пути передачи – пищу, воду и медикаменты; или трансмиссивные пути – через комаров, мух, крыс и прочих паразитов. Нынешнее предположение Маргарет вызывало куда большее беспокойство: следовательно, инфекция умышленно направлена против определенных целей. До тех пор, пока она не узнает способ распространения инфекции, рисковать нельзя.

Когда Маргарет вышла из-за шторы, Эймос уже был готов. В громоздком костюме без шлема он выглядел особенно странно: кольцо для крепления шлема делало шею еще тоньше – как у больного анорексией.

Руководство с большой неохотой дало согласие на участие Эймоса. Мюррей считал, что Маргарет и в одиночку сумеет подобрать ключи к разгадке неизвестного биологического явления. Она поначалу потребовала целую команду экспертов, но Мюррей не желал и слышать об этом.

Опыт Эймоса в биохимии и паразитологии был крайне необходим. Он, конечно, выскочка, однако умный и проницательный специалист, который в дни напряженной работы умел обходиться практически без сна.

Эймос помог надеть громоздкий шлем, зафиксировав кольцо. Защитное стекло сразу запотело. Мужчина обмотал стык скотчем, затем включил воздушный фильтр-компрессор, вмонтированный в области запястья. Маргарет ощутила прилив свежего воздуха; костюм слегка заколыхался. Избыточное давление означало, что в случае утечки воздух начнет просачиваться из костюма наружу, а не внутрь, поддерживая векторы переноса направленными в сторону от тела.

Она тоже помогла Эймосу надеть шлем.

– Ты слышишь меня? – спросила Маргарет. Встроенный микрофон передал звук на маленький громкоговоритель, вмонтированный в шлем в области подбородка. Внешние микрофоны принимали внешний звук и передавали на крохотные динамики, обеспечивая для носителя костюма вполне нормальную слышимость.

– Слышу тебя хорошо, – ответил Эймос.

Герметичного помещения в больнице не было. Мюррей снабдил их портативной камерой сверхсекретной лаборатории 4-го уровня биологической опасности, или ЛБО-4. Маргарет даже понятия не имела о существовании такой штуки, пока Мюррей не приобрел ее

в МИИИБ – Медицинском исследовательском институте инфекционных болезней Вооруженных сил США.

Портативная ЛБО-4 предназначалась для установки внутри помещений. На сей раз лабораторию развернули внутри морга. Маргарет точно знала, что должна увидеть в этом небольшом замкнутом пространстве, поскольку оставила очень детальные инструкции для Мюррея. Она обнаружила столик из нержавеющей стали, оснащенный дренажной системой для «сбора» разжижающегося трупа Брубейкера, компьютер для отправки и получения информации по замкнутой сети и разделочный столик со всем необходимым оборудованием, в том числе сосуда для сбора образцов, которые можно было полностью погружать в деактивирующий растворитель в воздушном шлюзе, а затем отправлять в другие ЛБО-4 для анализа.

Маргарет и Эймос вошли в герметизированное помещение через воздушный шлюз. Внутри их ждал Дью Филлипс. Без биокостюма, он стоял рядом с обуглившимся телом, лежавшим на стальном столе. Труп был ужасно обожжен, особенно в местах, оставшихся от ног.

Маргарет почувствовала, что начинает злиться: полицейский мог заразить ее лабораторию и помешать текущей работе, очень важной, поскольку сейчас перед ними лежал все-таки более или менее сохранившийся труп, а не кучка черной плоти, как раньше.

– Агент Филлипс, что вы здесь делаете без биокостюма?

Тот лишь пристально посмотрел на нее. Вытащил из кармана карамель, медленно развернул обертку и положил конфету в рот. Обертку Дью швырнул на пол.

– Рад видеть вас, док.

Зеленые глаза Дью походили на темные изумруды, лицо осунулось и покрылось щетиной. Испещренная пятнами лысина светилась в свете лабораторных ламп. Тем не менее, несмотря ни на что, Дью выглядел несокрушимой скалой.

– Отвечайте на вопрос! – потребовала Маргарет. Ее раздражала невозмутимая манера детектива, и данный инцидент не способствовал изменению сложившегося мнения.

Дью некоторое время о чем-то раздумывал.

– Я слишком близко подобрался к этому парню, – сказал он. – Если вдруг заразился, то какой смысл надевать презерватив?

Маргарет молча подошла к столу и принялась осматривать труп. Огонь немного затронул голову, сжег все волосы и оставил голую кожу с многочисленными волдырями. Глаза широко раскрыты, лицо погибшего перекошено злобой. Маргарет сдержала дрожь, вызванную картиной застывшего психоза да еще присутствием Дью Филлипса, который смело выдержал ужасный взгляд негодяя и умудрился всадить в него три пули.

Хуже всего оказалось состояние рук и ног, местами они выгорели полностью. Там, где осталась кожа, она имела зеленовато-черный оттенок, присущий ожогам третьей степени. Левая рука представляла собой просто костяной крюк с кусками обуглившейся плоти. Правая сохранилась несколько лучше, на ней почти не было ожогов; имелся даже странный белый участок в нижней части сморщенного предплечья. Обе ноги ниже колен отсутствовали.

Гениталии трупа оказались сильно повреждены огнем. Живот и нижнюю часть торса покрывали ожоги второй степени. На груди виднелись три большие раны от пуль, две в пределах пары дюймов от сердца, а третья – как раз над ними. Пятна крови высохли, шелушились и, опадая, оставляли белые пятна на выжженной коже.

– Что у него с ногами? – спросила Маргарет.

– Он их отрезал, – ответил Дью. – Тесаком.

– Что ты хочешь сказать? Как это... отрезал? Собственные ноги?

– Ну да, как раз перед тем, как поджег себя. Мой напарник пытался помешать – и получил удар тесаком в живот.

– Господи... – проговорил Эймос. – Отсек ноги и сжег себя?

– Вот именно, – кивнул Дью. – А три превосходные дырки в его грудной клетке – моих рук дело.

Маргарет посмотрела на труп, затем снова на Дью. Агент с легкостью перевернул труп. Маргарет с удивлением увидела на его руках хирургические перчатки. Брубейкер не был особенно крупным человеком, да и значительную часть массы тела поглотил огонь.

Со стороны спины раны оказались намного значительнее; настоящие воронки размером с кулак, распаханные пулями 45-го калибра. Тем не менее внимание Маргарет привлекло другое. Она невольно затаила дыхание: слева от позвоночника и как раз под лопаткой был отчетливо заметен треугольный нарост.

– Видел такое еще где-нибудь?

– Кажется, что-то похожее было на предплечьях, хотя я не уверен, – ответил Дью.

– Не уверен? – Маргарет выпрямилась. – Откуда такая неуверенность? Либо ты видел, либо не видел! Не понимаю.

Она заметила, как Эймос слабо подмигнул ей, но было уже слишком поздно.

Дью пристально посмотрел на нее, и глаза его постепенно наливались гневом.

– Понимаете, док, мой взгляд в тот момент был прикован к тесаку, который ублюдок всаживал в живот моего напарника. – Его голос звучал холодно и угрожающе. – Конечно, я тридцать лет занимаюсь подобным дерьмом, но тем не менее в следующий раз постараюсь быть повнимательнее.

Ей вдруг стало стыдно: стоило бросить один взгляд на тело, и она уже забыла, что напарник Филлипса лежит в реанимации в критическом состоянии.

– Дью, прости... Мне очень жаль. – Ей хотелось назвать имя напарника, но оно вылетело из головы.

– Его зовут Малколм Джонсон, – догадавшись, хмуро подсказал Дью. – Заботливый муж и отец семейства.

Маргарет кивнула.

– Да, конечно, агент Джонсон. Я очень сожалею.

– Приберегите это для медицинских книжек, док. Полагаю, я должен отвечать на ваши вопросы, но, знаете ли, мне как-то не по себе. Плохо себя чувствую. Подташнивает от здешних запахов.

Дью повернулся и направился к двери.

– Я должна знать, как все произошло. Мне нужна вся информация, какую только можно получить.

– Прочти мой отчет, – бросил Дью через плечо.

Агент миновал воздушный шлюз и скрылся.

Эймос подошел к разделочному столику. Помимо других инструментов и приспособлений, у них в распоряжении была цифровая камера. Эймос взял ее и принялся методично снимать труп с разных точек.

– Маргарет, почему ты позволяешь ему так с собой обращаться?

Она повернулась к Эймосу, ее лицо полыхало от гнева.

– Не уверена, что ты бы действовал иначе.

– Это потому, что по натуре я слишком мягкий, да и вид у меня... – ответил Эймос. Он сделал еще один снимок. – Тем более, главный здесь не я, а ты.

– Закрой рот, Эймос, – раздраженно проговорила Маргарет. По правде говоря, она даже обрадовалась, что Дью ушел. Этот человек обладал своеобразной аурой, неким ощущением

того, что является не только посредником между жизнью и смертью, но и с нетерпением ожидает собственной кончины. В общем, Дью обеспечивал ей нервную дрожь.

Она снова повернулась к столику, где лежал труп, и дотронулась до треугольного нароста. Под обгоревшей кожей он казался мягким. Из одной из вершин треугольника сочилась тонкая струйка черной жидкости.

Маргарет вздохнула.

– Давай ближе к делу. Вырежи образцы нароста, и мы прямо сейчас вышлем их на анализ – тело уже разлагается, и у нас не так много времени.

Она подняла брошенную Дью обертку от карамели и швырнула в мусорный бачок, потом надела большие перчатки и приступила к работе.

11

Шум, свист, гам

– Какого черта он свистит? – Звучный голос Перри слился с протестующими криками других завсегдатаев бара, осуждавших решение судьи в поле. – Не было никакого нарушения!

В заведении яблоку негде было упасть от беснующихся и улюлюкающих футбольных фанатов, но столик, за которым сидели Перри с Биллом, находился в стороне от основной толпы. Такое же перекошенное лицо у Перри было всегда, когда в молодости он сам выходил на поле. Посетители часто бросали в сторону Перри почтительные взгляды, отмечая его огромные габариты и крайне возбужденный вид, как у хищника, готового в любую минуту схватить добычу.

На проекционных телеэкранах мелькали накачанные игроки из Сан-Франциско в темно-красных футболках и золотистых шлемах, яростно боровшиеся за овальный мяч с соперниками из Грин-Бей в традиционной желто-зеленой форме. На замедленном повторе было отчетливо видно, как в одном из эпизодов мяч по замысловатой траектории летит в руки принимающего из «Упаковщиков», затем до него отчаянным броском дотягивается кто-то из «Золотоискателей» и отбивает в сторону.

– Видал? – не отрывая глаз от экрана, вскрикнул Перри. В бессильной ярости он повернулся к Биллу, который спокойно потягивал из бутылки «Бад». – Нет, ты видел это?!

– Да, вроде, все нормально, Перри, – сказал Билл. – Что ты так разволновался?

Перри издал протестующий рев. Он машинально дернул рукой, и из бокала на столик пролилась изрядная порция пива.

– Ты что, спятил? Теперь «Упаковщики» получают право на первую попытку выиграть десять ярдов!

– Лучше постарайся не расплескать пиво, приятель, – предупредил его Билл, сделав еще глоток из бутылки.

Перри вытер пролитое пиво салфеткой.

– Извини. Не люблю, когда рефери творит, что ему вздумается. Он, видите ли, решает, кому должна достаться победа. Вместо того чтобы дать командам возможность доиграть матч!

– Мир жесток и несправедлив, мой друг, – сказал Билл. – Никуда не деться от пристрастий, даже в спорте.

Перри поставил бокал на стол, сосредоточив взгляд на экране. Правой рукой он инстинктивно почесал левое предплечье. Разгоревшаяся схватка возле левого углового флажка преградила путь квотербеку желто-зеленых, устремившемуся было в зачетную зону.

Перри потряс перед экраном сжатым кулаком.

– Вот вам, так и надо! Как же мне это нравится! Ненавижу квотербеков. Чертовы гомики! Хорошо, когда им кто-нибудь вот так утирает нос. – Перри улыбнулся и мощным глотком допил остатки пива, потом машинально почесал бедро.

– Спиртное действует на тебя как крапива, – заметил Билл.

– Что?

– Я опять про твоих блох. Ты все пьешь и пьешь, и с каждой новой кружкой начинаешь чесаться еще сильнее.

– Да ладно тебе, – смутился Перри. – Ерунда все это. Просто укусы насекомых.

– Боюсь даже представить себе, как мы с тобой сидим в одной кабинке... Мне бы не хотелось подцепить вшей.

– Шутник ты, Билл! – Перри подал знак официантке. – Еще выпьем?
– Нет, спасибо, – ответил его друг. – Мне еще домой надо. А тебе, ковбой, лучше оставаться. Ты чересчур возбужден.

– Я в порядке, Билл.

– Что ж, хорошо. Ты ведь знаешь, в кого можешь превратиться, если выпьешь лишку. На сегодня достаточно.

Перри не смог сдержать раздражения.

– Не понял?! – Он резко обернулся к приятелю.

Лицо Билла осталось непроницаемым.

– Знаешь, когда ты злишься, то становишься очень похожим на своего папочку. Не замечал? Так посмотри в зеркало!

Перри вздрогнул, как будто от сильного удара. Сел на место, потом покачал головой. Почувствовал, как к лицу прилила кровь. Смутился. Оттолкнул в сторону пустой бокал.

– Прости меня. – Перри поднял голову, и в глазах его читалась мольба. – Билл, мне действительно очень жаль.

– Ладно, не парься, – улыбнулся его друг. – Все под контролем. В порядке.

– Нет, не в порядке.

Билл нагнулся вперед, и в его голосе чувствовалась искренняя поддержка:

– Сделай перерыв, Перри, отдохни. У тебя не было срывов уже несколько лет. И это хорошо.

Перри устался куда-то в сторону.

– Я все еще боюсь. Боюсь, что не совладаю с собой. Наброшусь на кого-нибудь и поколочу, прежде чем пойму, что наделал.

– Успокойся, никого ты не поколотил. И не колотил в течение очень длительного времени. А от твоих душещипательных извинений я скоро расплачусь, – улыбнулся Билл.

Перри в который раз поблагодарил Всевышнего за то, что у него есть такой друг, как Билл Миллер. Не будь его, он бы давно коротал свои дни в одной из федеральных тюрем.

Билл похлопал друга по плечу.

– Перри, тебе стоит отдать должное. Ты ни капельки не похож на своего отца. Весь негатив ты оставил позади. Надо просто быть осмотрительным, вот и все. Научись держать себя в руках. Ну а теперь, может, прекратим хныкать и посмотрим футбол?

Перри взглянул на экран, и глаза его вновь загорелись. Он забыл о небольшом инциденте, неприятные воспоминания об отце также быстро рассеялись. Его начисто поглотила игра.

После дружеского похлопывания Билла в предплечье с новой силой возобновился злополучный зуд. Перри инстинктивно взялся расчесывать руку, следя за тем, как нападающий «Упаковщиков» упал как подкошенный после жесткой остановки лайнбэкером соперников.

Билл сделал большой глоток пива и пристально посмотрел на руку Перри.

– Может быть, стоит отбросить дурные мысли и просто обратиться к врачу?

– Все доктора мошенники. Им лишь бы деньги с человека содрать.

– У тебя за плечами колледж, приятель, ты образованный человек! Неужели ты думаешь, что врачи – это средневековые лекари, умеющие только пускать больному кровь и использовать пиявок для отсасывания из тела злых духов?

– Не люблю докторов, – упрямо повторил Перри. – Не люблю и не доверяю им. Вот и все.

На экране квотербек «Упаковщиков» принял снэп⁸ и сделал вид, что отдает пас партнеру. Лайнбэкер дернулся, сделав шаг вперед, и Перри заметил, как в середине поля откры-

⁸ То есть поймал мяч после откидки назад.

лась свободная зона. Квотербек тоже это заметил и, выпрямившись, с силой запустил овальный мяч в энд-зону, за несколько ярдов позади лайнбэкера. Принимающий в длинном прыжке нырнул за мячом, обеспечив «Упаковщикам» преимущество в два мяча за какие-нибудь четырнадцать секунд до конца матча.

– Черт побери, – нахмурился Перри. – Как я ненавижу квотербеков!

Изнутри его точила давно знакомая зависть. Тяжело наблюдать еженедельные схватки в НФЛ, зная, что здесь его родное поприще, что он не просто был бы здесь достойным игроком, а доминировал бы на поле. Перри тихо проклинал травму, положившую конец его спортивной карьере.

– Сначала «Львы», теперь «Золотоискатели», а ты до сих пор не выяснил проблемы у «Пуллмана», – сказал Билл. – Видимо, для тебя неделя не задалась, приятель.

– Да уж, не говори, – протянул Перри, почесывая руку. В его голосе слышалось смирение.

12

Ключи к разгадке

Маргарет выгнула спину и сделала вдох, пытаясь успокоить нервы. Громоздкий биокостюм стеснял каждое движение. Руки слегка дрожали, и это мешало работе с лапароскопом.

Такой хирургический инструмент применяется для операций в брюшной полости и состоит из чувствительной волоконно-оптической камеры и приспособления для различных зондов, скальпелей, буров и других устройств. Камера, укомплектованная собственным освещением, едва крупнее кусочка нити. Хирурги применяют лапароскоп для выполнения тонких и ответственных операций без вмешательства в организм пациента традиционными методами.

Лишь немногие используют такое оборудование для аутопсии, но Маргарет хотелось исследовать область вокруг странного новообразования, стараясь как можно меньше повредить его. Похоже, выбранная стратегия оправдывалась.

Так же как и при обследовании трупа Шарлотты Уилсон, новообразования уже прошли стадию разложения и превратились в жидкую черную пульпу. В самом наросте исследовать было нечего. Распад окружающих тканей происходил с пугающей быстротой, но на этот раз доктор Монтойя оказалась более подготовлена. С помощью лапароскопа она обследовала области ниже и вокруг нароста. Глубоко внутри, почти возле кости и в середине разлагающейся черной плоти обнаружилась частичка вещества, которая явно не принадлежала жертве.

Маргарет с хрустом сжала кулаки, сделала еще один глубокий вдох, затем взяла в левую руку пульт управления камерой. На мониторе появилось изображение почерневшей внутренней части нароста. Она знала, что процесс гниения скоро распространится на другие части тела, за несколько часов растворив их и превратив в бесполезную кучу слизи. Дорога каждая секунда.

Дрожь в руках прекратилась; для такой тонкой работы требовались спокойствие и уверенность. Кусочек вещества, не более четверти дюйма в поперечнике, походил на часть новообразования. Он был черным, то есть такого же цвета, что и запекшаяся кровь вокруг, однако отражал свет почти как пластик.

Левой рукой Маргарет манипулировала камерой, приближая ее к черному кусочку. Правой рукой она управляла троакар, полый трубочкой, через которую специализированные хирургические инструменты могли получить доступ к полостям тела без совершения надрезов. На троакаре крепился крошечный пинцет. Словно увлеченный ребенок за пультом дорогой видеоприставки, она приближала пинцет к черному пластиковому пятнышку. Палец покоился на пусковой кнопке.

Маргарет подкорректировала управление камерой. Изображение, слегка искаженное от сильного увеличения, сфокусировалось на загадочном блестящем пятнышке. Части пинцета напоминали клешни металлического монстра, готовые схватить одинокую жертву в море черной слизи.

Она мягко нажала на кнопку пуска. Кончики пинцета крепко ухватили странный материал, выдавив пузырьки слизи.

– Прекрасная работа, – сказал Эймс. – Первая попытка прошла удачно. Немедленно выдать леди сигару.

Маргарет улыбнулась и потянула пинцет на себя. Материал сопротивлялся. Она посмотрела на монитор, осторожно повернула пинцет в одну сторону, затем в другую, покачивая зажатый объект. Выяснилась причина сопротивления: видимо, объект каким-то обра-

зом держался за ребро. Маргарет снова потянула пинцет, теперь сильнее. Раздался хлюпающий звук, когда крохотный пинцет, измазанный омерзительной слизью, выскочил из раны.

Эймос держал под пинцетом чашку Петри. Маргарет нажала на пуск, но маленькое пятнышко прилипло к нижнему зажиму. Эймос схватил скальпель, потом мягко подтолкнул объект в чашку Петри.

Маргарет взяла чашку и поднесла ее к лицевой панели. Пятнышко неспроста так прочно держалось на кости. Оно походило на шип черной розы.

Маргарет ощутила прилив удовлетворения. До разгадки ужасной тайны еще очень далеко, но благодаря Шарлотте Уилсон она теперь лучше знала, что искать. Черное пятно было чем-то новым в расследовании, что еще на один маленький шаг приближало их к истине.

– Ого, – проговорил Эймос. – Ну и что ты скажешь, шеф?

Он стоял возле бедра Брубейкера, одного из мест, наименее поврежденных при пожаре. Палец Эймоса указывал на небольшое поражение вроде шишковатого прыща. Прыща с выступающим наружу тоненьким голубым нитевидным волокном.

– Угревое воспаление, – проговорила Маргарет. – Думаешь, это имеет значение?

– Сейчас все имеет значение. Вырежем и отошлем на анализ?

Маргарет ненадолго задумалась.

– Пока нет. Непохоже, чтобы в этом месте происходило разложение, а мне хочется самой произвести обследование. Давай сосредоточимся на местах, подверженных гниению, поскольку у нас не так много времени. Потом вернемся к этому вопросу, хорошо?

– Разумно, – согласился Эймос. Он поднял камеру с разделочного столика, наклонился поближе, сделал снимок и снова положил камеру на место. – Хорошо, отложим на потом.

– Когда мы получим результаты анализа тканей в новообразовании?

– Информацию предоставят завтра. Уверен, за ночь эксперты уложатся. Анализ ДНК, секвенирование белков и так далее.

Маргарет проверила часы – 22.07. Им с Эймосом придется провести на ногах всю ночь и даже часть следующего дня. Из нелегкого опыта они знали, что до полного разложения трупа Брубейкера осталось всего несколько дней.

13

Два билета в одни руки

– Боже мой, Перри! – усмехнулся Билл. – Два дня подряд. Я, конечно, видел, как чешутся собаки, которых заедают блохи, но люди – никогда!

Билл наполовину свесился через стенку кабинки, глядя на Перри, который иступленно чесался.

– Конечно, я исхожу из предположения, что ты человек, – добавил Билл.

Перри игнорировал насмешку друга, сосредоточившись на левом предплечье. Он закатал выше локтя рукав толстовки и принялся интенсивно расчесывать волосатую руку.

– Говорят, в это время года чесотка обостряется, – заметил Билл.

– Чешется так, что нет никаких сил терпеть, – пожаловался Перри. Он внимательно посмотрел на расчесываемое место. Его структура походила на кожицу земляники – если бы земляника была желтой, – и из нее наружу просачивались капельки прозрачной жидкости. Желтоватый рубец был на ощупь твердым, как будто где-то отломился кусочек хряща и временно «перебрался» в руку. В руку и еще шесть мест на теле.

Вонзающиеся в кожу ногти оставляли длинные красные царапины. Они окружали рубец, словно белок вокруг переваренного желтка.

– Вот это да, смотрится аппетитно, – воскликнул Билл, после чего скользнул обратно к себе в кабинку.

– Ерунда, – вздохнул Перри, вновь обратившись к экрану монитора. Рассеянным движением руки он смахнул со лба прядь светлых волос.

StickyFingazWhitey: *Старик, у тебя проблемы... я серьезно.*

Bleedmaize-n-blue: *Не парься, лучше на себя посмотри!*

StickyFingazWhitey: *Не дай бог тебе пойти и купить – о, я даже не смею произнести это слово – ЛЕКАРСТВО!*

Перри старался не обращать внимания на сарказм друга. Он уже больше часа работал над проблемой, возникшей в компании «Пуллман». Точнее, старался работать. Сыпь не давала возможности сосредоточиться.

– Перестань корчить из себя крутого и сходи в аптеку, – посоветовал Билл, свешиваясь со стенки. – Ради бога, нет никакой необходимости обращаться к знахарю, чтобы купить средство от чесотки. Кстати, не помешает и дезинфектант, судя по тому, как обстоит дело. Я никак понять не могу, зачем сидеть и терпеть боль вместо того, чтобы просто воспользоваться достижениями современного общества.

– Твои хваленые доктора ничего не смогли сделать с моим коленом, верно? А здесь что, смогут?

– Если помнишь, Перри, я присутствовал на той игре. И видел твое колено, когда навещал тебя в больнице. Можешь мне поверить: сам Иисус Христос не в силах был бы вылечить его!

Перри хмыкнул, борясь с нестерпимым желанием вновь почесаться. На сей раз активизировалась сыпь на правой ягодице.

– Что, вечером снова в бар?

– Не думаю, мой заразный друг. Предпочел бы компанию более здоровых людей. Ну, например, с краснухой или оспой. Или, скажем, больных бубонной чумой. Лучше тусоваться с ними, чем с чесоточным.

– Это всего лишь сыпь, придурок, – раздраженно ответил Перри, чувствуя, как потихоньку закипает.

Билл Миллер, похоже, живет именно для того, чтобы раздражать других людей, и как только выпадает удобный случай, он цепляется за него и выжимает максимум. Отделаться от колкостей Билла невозможно. Теперь до конца недели слово «чесотка» не сойдет с его языка, а ведь только-только наступил вторник. Впрочем, это всего лишь слова, к тому же слова из уст вполне добродушного человека. Перри успокоился. Он уже один раз едва не сорвался, и черт его побери, если он позволит себе оскорбить Билла.

Перри двинул мышкой, кликнул, увеличив размеры сетевой диаграммы.

– Послушай, оставь меня в покое, ладно? Сэнди хочет, чтобы я поскорее закончил. В «Пуллмане» просто с ума сойдут, если я не справлюсь.

Билл скрылся из виду. Перри уставился на экран, пытаясь решить проблему, возникшую за тысячу миль отсюда, в штате Вашингтон. Анализ компьютерных сбоев по телефону – непростая задача, особенно при наличии сетевых проблем, когда причиной могли служить обрыв провода, неисправный порт или единственный дефектный компонент на любой из 112 рабочих станций. Перри частенько приходилось сталкиваться с проблемами, о которые обломали бы зубы Агата Кристи, Коломбо и Шерлок Холмс, вместе взятые. Нынешняя была как раз такого порядка.

Ответ уже теплился в дальних уголках его интеллекта, но он никак не мог сосредоточиться. Перри откинулся в кресле, отчего зуд в области позвоночника возобновился с ужасающей силой. Словно слились воедино укусы сотен комаров.

Перри неистово заерзал в кресле, растирая спину. Лицо его сморщилось, когда вдруг воспалились рубцы на ноге, причем так сильно, как при укусе крупной осы. Он с силой прижался скрести ногтями голубую джинсовую ткань. Это походило на мифическое сражение с Гидрой – всякий раз, когда он убивал одну кусающую голову, на ее месте вырастали две другие.

Из соседней кабинки доносился голос Билла, пытающегося перефразировать Шекспира.

– Чесотка или не чесотка – вот в чем инфекция!

Перри заскрежетал зубами и едва сдержался, чтобы не ответить резко. Зуд сводил его с ума, и он легко раздражался по малейшему поводу. Хоть Билл и друг, иногда он просто не может вовремя остановиться.

14

Грязь под ногтями

Маргарет внимательно смотрела в окуляр микроскопа, пытаясь сосредоточиться на увеличенном изображении. Глаза женщины покраснели от недосыпания. Протереть их было невозможно: мешали пластиковая лицевая панель и громоздкий биокостюм. Она несколько раз моргнула. Сколько времени они с Эймосом работают над телом Брубейкера? Сутки, наверное, и отсчет времени продолжался... Маргарет нагнулась и посмотрела в микроскоп.

– Гм, что у нас здесь? – Ее усталость и ужасное состояние кожи жертвы усиливали неуверенность. – Эймос, взгляни-ка.

Он отложил химические образцы и подошел ближе. Как и Маргарет, Эймос не спал уже больше суток, однако двигался с таким мягким изяществом, что создавалось впечатление, будто коллега плавает, а не идет. Он нагнулся к окуляру, ни до чего не дотронувшись, и спустя секунду спросил:

– А что мне нужно искать?

– Я надеялась, что ты сразу увидишь...

– Я много чего вижу, Маргарет. Конкретизируй, пожалуйста. Откуда взят образец кожи?

– Из внешней части нароста. Ты видишь хоть что-нибудь, что указывало бы на умеренную травму кожи? – Эймос почти выпрямился и приготовился было ответить, но Маргарет перебила его: – Только не нужно давать заумных ответов. Я прекрасно понимаю, что тело разодрано на кусочки.

Эймос снова нагнулся к окуляру и несколько секунд неотрывно смотрел. Унылое помещение морга наполнила тишина.

– Да, вижу. Вижу струпья и кое-какие поражения в подкожном слое. Похоже на длинный прорез – словно рана от когтя животного.

Маргарет кивнула.

– Думаю, мне нужно еще раз взглянуть на образцы кожи, которые мы получили из-под ногтей жертвы.

Эймос выпрямился.

– Но ведь не сам себе он это сделал? Разрыв до самых мышц... ты представляешь, как это больно?

– Догадываюсь. – Маргарет вытянула руки вверх, наклонилась влево, вправо. Она устала от работы в лаборатории и от недосыпания. Сейчас бы в постель да выпить пару бокалов хорошего красного вина... И желательно в объятиях агента Кларенса Отто.

Маргарет тоскливо вздохнула. Агенту Отто придется подождать другого, более подходящего дня. Сейчас ее серьезно беспокоило совсем другое: что могло заставить человека яростно разрывать ногтями собственное тело?

Компьютерный терминал выдал длинный сигнал о поступлении информации. Эймос подошел и уселся за пульт.

– Странно, – проговорил он. – Весьма странно.

– Ну что там?

– Во-первых, результаты по образцам, взятым из нароста. Эксперты сообщают, что образец почти целиком превратился в жидкость к тому времени, когда они его получили. Хотя они сделали все, что могли. Ткань оказалась злокачественной.

– То есть как – злокачественной? Мы же видели. Это не скопление неконтролируемых клеток. Там просматривалась структура.

– Согласен, однако взгляни на результаты – ткань подобна раковой. Да плюс к тому огромное количество целлюлазы с незначительными следами целлюлозы.

Маргарет на секунду задумалась. Целлюлоза представляет собой первичный материал в растительных клетках, самую обильную форму биомассы на планете. Однако ключевым словом было «растения» – поскольку животные не вырабатывали целлюлозы.

– Целлюлоза не сохранила структуру, – продолжил Эймос. – В течение нескольких часов с момента получения материала она трансформировалась в целлюлазу. Они сделали все, чтобы остановить процесс, в том числе пытались заморозить материал, но не смогли.

– Почти как фермент, который разлагает плоть. Какой-то механизм... саморазрушения.

– Суицидальный рак? А ведь это уже кое-что, Маргарет.

Да, это было кое-что. Некая ниточка, которая, возможно, приведет к успеху, и удастся постичь то, что находилось за пределами понимания современной науки.

15

Жилище одиночки...

К себе домой, в квартиру В-203, он всегда приходил со смешанными чувствами. Это было маленькое и ничем не примечательное жилище в доме стандартной планировки. Уиндивуд представлял собой тип жилого комплекса, где безупречные на вид указатели сбивали с толку; а дома были окружены сетью дорог с такими привлекательными названиями, как Вечнозеленая аллея, Тенистый переулок или Тополиная улица. После одного-двух неправильных поворотов вы оказывались среди однотипных трехэтажных двенадцатиквартирных комплексов.

Его дом находился южнее въезда в жилой комплекс, на противоположной стороне улицы от «Уоштиноу-пати-стор». Довольно удобное расположение. В паре миль был продовольственный магазин Мейджера, и Перри периодически заезжал туда пополнить холодильник продуктами. Все остальное можно купить в «Уоштиноу». В здешней части города квартиры сдаются недорого, да и сам супермаркет отнюдь не из престижных.

Перри зашел в гастрономический отдел, чтобы купить сэндвич с ветчиной и техасской горчицей и упаковку пива «Ньюкасл». Само собой, какая-то девица в отделе громко разговаривала по телефону. В одной руке она держала мобильник, а в другой – тщательно укутанного ребенка. Перри старался не обращать на нее внимания, но голос девушки был слишком звонкий; она на что-то жаловалась не то подруге, не то матери, не обращая внимания на присутствующих. Вопиющее безобразие!

Перри въехал на территорию жилого комплекса и поставил машину под навес на стоянке совсем недалеко от главного входа. Если бы у него все сложилось и он продолжил бы карьеру в Национальной футбольной лиге, давно бы жил в дорогом особняке. Перри никак не мог побороть в себе ощущение, что его нынешняя жизнь – удел неудачника. Он заслуживал много большего. Конечно, и нынешняя квартирка по-своему хороша, но уж больно паршивый район.

Семь лет назад никому бы и в голову не пришло, что он поселится именно в таком месте, а не в роскошном особняке. «Ужасный» Перри Доуси, в то время второкурсник Мичиганского университета, играл на позиции лайнбэкера в паре с Кори Крайпвицем из Огайо. Вскоре Крайпвиц перешел в Чикаго и зарабатывал два миллиона в год, не считая двенадцатимиллионной премии при подписании контракта. Небо и земля по сравнению со скудной зарплатой Перри на должности специалиста технической поддержки.

При всем том Крайпвиц по уровню мастерства не мог и близко сравниться с Перри, и все об этом знали. Перри был просто монстром; такие игроки защиты благодаря яростной самоотдаче неизменно доминируют на поле. Пресса дала ему множество метких прозвищ, в том числе Зверь, Кроманьонец и Клык. Конечно, что касается кличек, то здесь последнее слово было за Крисом Берманом с канала «ESPN»; прозвище Ужасный сразу закрепилось за Перри.

Бог мой, как же один неудачно выставленный блок может все изменить!

Травма колена оказалась крайне неприятной – были разорваны связки, затронута малоберцовая кость и обнаружены несколько трещин в коленной чашечке. Целый год восстановительной хирургии и последующей реабилитации не вернули былой формы. Больше Перри не мог играть на прежнем уровне. Если раньше он остервенело несся через футбольное поле, сметая всех, кто имел неосторожность оказаться у него на пути, то теперь оставалось лишь, прихрамывая, семенить по газону, тщетно гоняясь за бегущими соперниками и принимая удары блокирующих, от которых он теперь не мог увернуться.

В характере Перри все явственнее стала проявляться агрессивная жилка, она в буквальном смысле поедала его изнутри. Слава богу, ему встретился Билл, который помогал не выплескивать бешенство наружу. Билл находился рядом с Перри уже два года, действуя в качестве своеобразного наставника и постоянно напоминая о его необузданном характере.

Перри резко дернул на себя ручник «Форда» и вышел из машины. Он был уроженцем Мичигана и любил холодные месяцы, но зима превращала жилой комплекс в безлюдное и довольно унылое место. Все выглядело серым и безжизненным, как будто некая сказочная сила высосала цвет из окружающих предметов.

Сунув руку в карман, он нащупал мягкую белую упаковку «Уолгрин». Зуд все еще был очень сильным. Перри зашел в аптеку в нескольких кварталах от жилого комплекса и купил тюбик «Кортейда» – нехотя, словно проявил слабость, купив средство от чесотки.

Отец, будь он жив, не преминул бы высказаться по поводу лекарства. Наверное, что-нибудь в таком роде: «Не можешь вытерпеть чесотку? Господи, как ты меня бесишь! Надо поучить тебя дисциплине». И сопроводил бы свое замечание ударом ремня или оплеухой.

Дорогой папочка, сама доброжелательность!.. Перри отбросил мысли прочь. Отец, очередная жертва рака, давно умер, и Перри не хотелось больше отягощать себя воспоминаниями об этом человеке.

Он прошел к наружной входной двери здания и открыл ее ключом. Оказавшись в холле, рассеянно вытащил почту из ящика – в основном рекламные листовки и купоны, – потом тяжело преодолел два лестничных пролета до двери квартиры. Джинсовая ткань терлась о рубцы на ноге, усиливая зуд – как будто кто-то вдавливал в кожу раскаленные угольки. Отпирая дверь, Перри заставлял себя не обращать внимания на зуд, стремясь продемонстрировать самому себе хотя бы чуточку дисциплинированности.

Планировка квартиры была простой: открывающийся из маленького коридора кухонный «уголок» располагался слева, а гостиная – справа. Возле «кухни» находилась «обеденная зона». Местечко крохотное, но здесь еще умещались компьютерный стол с «Макинтошем» и небольшой круглый столик с четырьмя стульями. Перемещаться по комнате, ничего не задевая, можно было с превеликим трудом.

Гостиная имела приличные размеры, была удобной и не слишком загроможденной: из мебели только старый диван и кофейный столик. Возле дивана стоял торшер. Небольшое раскладное кресло, в котором едва умещалось грузное тело Перри, было его привычной территорией во время воскресных футбольных матчей. Напротив дивана, чуть правее двери, располагался плоский телевизор с диагональю в тридцать два дюйма, а также стереофоническая система «Панасоник». Нужды в стационарном телефоне не было: его функции прекрасно выполнял мобильник, а кабельный модем обеспечивал связь с Интернетом.

Комнатных растений Перри не держал, украшений в квартире почти не было. За телевизором на стене размещались многочисленные футбольные награды. На одной из полок стояли призы, врученные ему как лучшему игроку команды, и «Кубок аллигатора», который Перри получил за победы на первом курсе. На стенах висели почетные значки: «Лучшему защитнику года», приз от «Детройт фри пресс», полученный на выпускном курсе, и еще десяток других.

Рядышком висели два предмета, занимающие почетные места среди других наград. Первый представлял собой то, что в свое время вызвало у Перри немалое удивление и отметило важный поворот в его жизни: письмо о принятии из Мичиганского университета. Второй предмет вызывал у него одновременно и любовь, и ненависть: его перекошенное, мокрое от пота, облаченное в шлем лицо на обложке «Спортс иллюстрейтед». На фотографии он боролся с Джервисом Макклетчи, зажатым в тиски могучих рук Перри. Надпись на обложке

гласила: «На пути «Ужасный» Перри Доуси: вместе с Вулверайном он ведет Мичиган к матчу «Розовой чаши»⁹.

Обложка ему нравилась по очевидным причинам – кто из атлетов не мечтает попасть на обложку такого престижного издания? А ненавидел ее Перри потому, что, как и многие футболисты, был суеверным. Многим казалось, что обложка «Спорте иллюстрейтед» несет в себе проклятие. Если вы играете в непобедимой команде и кто-то из игроков попадает на обложку журнала, то следующий матч команда проигрывает. Или если вы лучший лайнбэкер десятилетия, чье фото красуется на обложке, то ваша карьера может закончиться. Где-то в глубине души Перри не мог отделаться от глупого ощущения, что, если бы его физиономия не оказалась на обложке, он до сих пор играл бы в футбол.

Да, нынешняя квартирка невелика, чем-то напоминает гетто, но по сравнению с его жилищем в детстве просто роскошна. Перри очень ценил уединение. Временами было скучно и слишком одиноко, зато он мог в любое время делать то, что хочется. Никто не вмешивался в распорядок дня, никому не было дела до того, что он приведет сюда девчонку, с которой познакомился в баре; никто не мог упрекнуть его за грязные носки, брошенные возле кухонного стола. Никто не мог повысить на него голос. Конечно, тут не особняк, не обиталище звезды НФЛ, но это *его собственная* квартира.

По крайней мере, он нашел себе работу в Анн-Арбор. Перри влюбился в этот город еще в студенческие годы. Он ненавидел крупные города, чувствовал себя дискомфортно в таких беспорядочно застроенных метрополиях, как Чикаго или Нью-Йорк. И в то же время был фермерским мальчишкой, который не смог устоять перед огнями большого мира и вернуться к прежней жизни. К той жизни, которая не могла давать столько развлечений. Университетский Анн-Арбор с населением свыше ста тысяч жителей сохранил комфортное тепло и уют маленького городка.

Положив ключи и сотовый телефон на кухонный стол, Перри швырнул портфель и тяжелое пальто на потрепанный диван, вытащил из кармана упаковку «Уолгрин» и направился в ванную. Ощущение от сыпи было такое, как будто в кожу вонзились несколько раскаленных электродов, подключенных к мощному источнику тока.

Сейчас он обработает больные места, но в первую очередь самое важное: нужно расправиться с прыщиком, вскочившим над бровью. Перри открыл аптечку и вынул оттуда маленький пинцет. Привычно щелкнув по нему пальцем, услышал знакомый металлический звук, похожий на гудение камертона, потом подошел к зеркалу. Станный прыщ, естественно, никуда не исчез, да вдобавок еще болел. Однажды он видел, как удалял себе прыщ его друг Билл: процесс занимал минут двадцать, не меньше. Билл обладал изрядным терпением, поэтому все прошло хорошо. Перри лучше переносил боль, зато в смысле терпения уступал Биллу. Он сделал глубокий вдох, зажал пинцетом маленькую красноватую шишку и резко дернул. Кусочек плоти оторвался – моментально возникла боль. На лицо брызнула кровь. Перри сделал еще один глубокий вдох, быстро отмотал кусок туалетной бумаги и приложил к ране. Свободной рукой поднял пинцет и посмотрел. Ничего особенного, всего лишь кусочек свежей плоти. А вот в середине... Что это? Волос? Только цвет не черный, а какой-то радужно-голубой.

– Вот странно...

Перри опустил пинцет под горячую воду, смыл в канализацию ненавистный прыщик. Из аптечки вынул упаковку лейкопластырей с тампонами: осталось всего четыре штуки. Освободив один из пластырей от бумажной оболочки, приложил его тампоном на маленькое

⁹ Матч «Розовой чаши» (Rose Bowl) – ежегодный матч двух лучших (по выбору организаторов) команд студенческого футбола в г. Пасадена, штат Калифорния, который проводится начиная с 1902 г. С 1916 г. приурочивается к Фестивалю роз и проводится на Новый год, с 1932 г. – на стадионе «Розовая чаша».

кровоточащее место. Это было легче всего: боль способен вытерпеть любой дурак, а вот снести зуд – совсем другая история.

Перри расстегнул ремень, снял штаны и уселся на крышку унитаза. Из белой упаковки извлек тюбик с противочесоточной мазью. Выдавив немного мази на ладонь, приложил ее к желтоватому рубцу на левой ягодице.

И сразу же пожалел о том, что сделал.

Контакт с мазью неожиданно вызвал сильнейший зуд и приступ обжигающей боли, как будто кожа в этом месте моментально расплавилась. Перри подскочил и вскрикнул. Через несколько секунд, вернув самообладание, он сделал медленный глубокий вдох и заставил себя немного расслабиться.

Боль улеглась, едва успев возникнуть. Улыбнувшись маленькой победе, Перри принялся осторожно растирать мазь по рубцу и прилегающим тканям.

Он едва не рассмеялся от облегчения. С еще большей осторожностью обработал «кортейдом» остальные источники зуда. Когда закончил, все семь мест раздражения перестали напоминать о своем существовании.

Перри ощутил подобие эйфории, хотелось кричать от радости. Теперь на него вдруг навалилась усталость. Последние дни он просто измучился от чесотки, пребывая в стрессовом состоянии; когда стресс внезапно ушел, он почувствовал себя шхуной, дрейфующей посреди моря при полном безветрии.

Перри сбросил одежду, оставил ее в ванной и перешел в спальню. Почти все пространство здесь занимала большая кровать, оставляя совсем немного места для комода и тумбочки. От стены матрац отделяло менее десяти дюймов.

Перри тяжело опустился на кровать. Закатавшись в одеяло, он дрожал от холода. Впрочем, одеяло быстро согрело его, и в пять тридцать он заснул с легкой улыбкой на лице.

16 Вены

Маргарет ходила, стараясь разогреть мышцы, но в ЛБО-4 было совсем мало места – в пору разгуляться клаустрофобии. Она подошла к Эймосу, который не отрывал глаз от окуляра микроскопа.

– Обнаружил что-нибудь на том шипе?

– Нужно проверить... Я нашел еще одну структуру, на которую тебе стоило бы взглянуть. И побыстрее, все разлагается буквально на глазах.

Эймос встал, дав Маргарет возможность посмотреть в микроскоп. Сильно увеличенный образец выглядел как капилляр, нормальный кровеносный сосуд. Но он не был *нормальным*. Часть его была повреждена – отсюда, из этой области выходил серовато-черный канал. Он завершался разлагающимся участком с характерным для трупов гниением. Эймос оказался прав: можно было видеть, как ткань разлагается прямо на глазах. Отвлечшись от области гниения, Маргарет сосредоточила внимание на канальце.

– А это что за чертовщина?

– Мне нравится твое утонченное использование научной терминологии, Маргарет. По моему, это своего рода сифон.

– Сифон? Ты хочешь сказать, что он, словно комар, всасывался в кровоток?

– Нет, отнюдь не как комар. Тот просто вставляет свой хоботок в кожу и высасывает оттуда кровь. Упомянутый сифон выкачивает кровь из кровеносной системы, но он присоединен *перманентно*; нет никаких видимых средств открытия или закрытия сифона. Это означает, что, вероятно, существуют сифоны, возвращающие кровь в систему, – иначе нарост переполнился бы кровью и лопнул.

– Так значит, если он возвращает кровь в систему кровообращения, то кровь не является его непосредственной пищей?

– Нет, хотя он определенно использует телесные функции организма-носителя. Новообразование, очевидно, всасывает из кровотока кислород и питательные вещества. Видимо, так обеспечивается рост. Оно может и непосредственно питаться организмом носителя, хотя вряд ли; тогда возникает вопрос о пищеварительном процессе и методах выведения шлаков. Следует признать, что новообразования, которые мы наблюдали, подверглись полному разложению, поэтому мы не в состоянии подтвердить или опровергнуть наличие пищеварительного тракта; но, при том, что известно на данный момент, я сомневаюсь в его существовании. Зачем развивать сложную пищеварительную систему, если в том нет крайней нужды – кровь обеспечит новообразование всем необходимым.

– Значит, это не скопление канцерогенной ткани, а полноценный паразит.

– Нам пока ничего не известно, – ответил Эймос. – Не забудь, результаты лабораторных исследований не выявили наличия каких-либо тканей, кроме тканей Брубейкера, а также огромных количеств целлюлозы. Но для поддержания своей жизнеспособности оно, похоже, использует телесные функции, поэтому по крайней мере на данный момент я бы согласился с тобой и охарактеризовал то, что мы обнаружили, как паразита.

От Маргарет не ускользнуло волнение в голосе коллеги.

Эймос нагнулся к микроскопу.

– А ведь это революционное открытие, Маргарет, разве не видишь? Вспомним скромного ленточного червя. У него нет пищеварительной системы. Ему она не нужна, потому что он живет в кишечнике организма-носителя. Носитель поглощает пищу, поэтому ленточному червю остается только впитывать питательные вещества. Куда поступают эти вещества, если

до них не доберется ленточный червь? В кровоток. Кровь переносит питательные вещества вместе с кислородом в различные ткани и удаляет отходы и газы.

– А подключаясь к кровотоку, треугольные паразиты получают пищу и кислород. Им не нужно есть или дышать.

– Выходит, так. Удивительно, не правда ли?

– Ты паразитолог, – сказала Маргарет. – Если продолжать в том же духе, то ты будешь главным, а я – у тебя в подчинении.

Эймос рассмеялся. В этот момент Маргарет его ненавидела: они провели тридцать шесть часов, спать удавалось в полубреду – урывками, по двадцать-двадцать пять минут, не больше. А этому типу хоть бы что!

– Смеешься надо мной? – спросил Эймос. – Я обычный, заурядный спец, и тебе это хорошо известно. При малейших признаках опасности, физической или эмоциональной, я просто спасаюсь бегством.

Маргарет рассмеялась. Эймос вполне открыто признал свою роль и расставил все по местам.

– Мне и так хорошо, – добавил Эймос. – Я предпочту находиться на вторых ролях и выполнять чьи-то поручения, если должность начальника означает тесное общение с Дью Филлипсом и Мюрреем Лонгуортом. Но если мне и доведется когда-нибудь покомандовать, то просто помни: я люблю черный кофе, а не с молоком.

Оба на некоторое время замолчали, пытаясь, несмотря на усталость, пропустить через себя и понять странную информацию.

– Такое невозможно вечно держать в секрете, – наконец сказал Эймос. – Могу, не задумываясь, назвать имена трех экспертов, которым следовало быть здесь прямо сейчас. Вообще, политика секретности, которую проповедует Лонгуорт, не очень разумна.

– Тем не менее в секретности есть смысл, – возразила Маргарет. – Предавать историю огласке пока рановато. Придется обследовать любых пациентов с сыпью, укусами насекомых или сухостью кожи, которыми наводнены больницы. Очень трудно будет обнаружить того, кто на самом деле инфицирован, особенно если мы понятия не имеем о том, как выглядят ранние стадии такой инфекции. Если утечка информации произойдет сейчас, мы будем вынуждены обследовать миллионы людей. Надеюсь, к тому времени, когда это случится, мы успеем выработать какой-нибудь процесс скрининга или теста на инфекцию.

– Я прекрасно понимаю шаткость ситуации, – кивнул Эймос. – Просто мне кажется, что Мюррей зашел слишком далеко. Одно дело не допускать утечки информации, и совсем другое – сознательно лишать себя хотя бы минимального количества специалистов. А что случится, если объявится сотня Мартинов Брубейкеров и никто не будет подготовлен к такому повороту? Самая мощная бомба террористов – ничто по сравнению с сотнями сумасшедших, готовых перегрызть друг другу глотки!

Эймос снова подошел к своему рабочему месту, оставив Маргарет наедине с обгоревшим трупом. Непрекращающийся процесс разложения частично изменил состояние окостеневшей руки Брубейкера: если раньше она занимала вертикальное положение, то теперь существенно наклонилась вниз. Чернеющее, размягчающееся тело не оставляло много времени для анализа.

Маргарет задумалась над замечанием Эймоса. Если на самом деле существует подпольная лаборатория с технологическими возможностями создания на генетическом уровне паразита, способного изменить поведение человека, то, может быть, *уже слишком поздно?*

17

Лихорадка «кошачьих царапин»

Перри проснулся от собственного крика. Ключица горела от боли, словно он скреб ее металлической теркой для сыра. Пальцы правой руки были холодные, мокрые и липкие. Сквозь щель между шторами пробивались лучи восходящего солнца, играя в кристалликах льда на оконном стекле. Комната постепенно наполнилась тусклым светом зимнего утра.

Перри пристально посмотрел на свои руки – казалось, они покрыты шоколадным сиропом, густым и липким. Он долго нащупывал выключатель на торшере. Вспыхнула электрическая лампочка, осветив комнату и его руки. Перри сразу понял, что это не шоколадный сироп.

Это кровь.

В ужасе раскрыв глаза, Перри осмотрел кровать. Белые простыни были измазаны кровью. Протерев глаза, он бросился в ванную и приник к зеркалу.

На левой части груди виднелись тонкие струйки крови и кровавые следы от пальцев. Видимо, ночью он продолжал расчесывать кожу в местах зуда, глубоко вонзаясь ногтями в плоть. Левую ягодицу тоже покрывали пятна крови – некоторые из них были на ощупь сырыми, некоторые – липкими, а некоторые – абсолютно сухими.

Перри охватил ужас, когда он заметил крупные капли крови на трусах. Сняв их, Перри издал вздох облегчения: на мошонке, слава богу, крови не было.

Да, выходит, он чесался всю ночь, непрерывно и с такой яростью, которой не замечал в себе в дневные часы. Почему же он не проснулся? Выражение «спал как убитый» в данном случае выглядело бы явным преуменьшением. Но, несмотря на более чем тринадцать часов сна, он все-таки чувствовал усталость. Усталость и голод.

Перри внимательно посмотрел на себя в зеркало. Бледная, почти белая кожа, испачканная полосками собственной крови, которые после высыхания стали бурыми. Он выглядел словно холст для детского рисования пальцами или как древний шаман, нарядившийся для племенного ритуала.

За ночь сыпь увеличилась, отдельные пятна стали размером с долларовую монету и приобрели красновато-желтый цвет. Перри изогнулся, пытаясь рассмотреть в зеркало поражения на спине и ягодицах. Они выглядели как и прежде, то есть ночью, он, видимо, их не расчесывал.

Не зная, что еще предпринять, Перри быстро принял душ, чтобы смыть с тела запекшуюся кровь. Положение хуже некуда, но именно сейчас он мало что мог предпринять. Кроме того, через несколько часов нужно быть на работе. После работы нужно записаться на прием к врачу.

Перри тщательно вымыл руки, затем наложил остатки противочесоточной мази, проявляя особую осторожность по отношению к ранам на ноге и ключице. На оба участка Перри наложил лейкопластырь, потом оделся и приготовил обильный и сытный завтрак. Желудок стонал от голода, и это ощущение было намного острее, чем обычно по утрам. Он приготовил яичницу из пяти яиц, поджарил восемь гренок и запил двумя большими стаканами молока.

В целом сыпь почти не ощущалась, хотя пятна выглядели хуже, чем когда-либо. Если бы они больше не чесались... Перри искренне надеялся, что к концу дня сыпь уляжется. Уверенный, что организм справится с проблемой, он собрал потрепанный портфель и отправился на работу.

18

Нервы

Маргарет с недоверием смотрела на экран.

– Эймос, – позвала она коллегу. – Подойди-ка.

Эймос неслышно подошел, бодрый как никогда.

– Что у тебя?

– Я закончила анализ образцов, взятых из различных частей тела, и обнаружила большие количества нейротрансмиттеров, особенно в головном мозге.

Эймос наклонился вперед, поближе к монитору.

– Чрезмерно высокие уровни дофамина, норэпинефрина, серотонина... Господи, его нервная система вышла из-под контроля! Чем это вызвано?

– Не совсем моя специализация, необходима дополнительная проверка. Тем не менее повышенные уровни нейротрансмиттеров могут вызывать параноидальные расстройства и даже психопатическое поведение. И я не уверена, что когда-либо был зафиксирован пациент с такими высокими уровнями. Новообразование контролирует жертвы с помощью естественных средств. Эх, если бы обследовать живой организм, увидеть внутренние части проклятых наростов... А мы уже во второй раз оказываемся в ситуации, когда процесс гниения почти полностью уничтожил необычное новообразование. Как будто тот, кто придумал этот кошмар, заранее предусмотрел разлагающий фактор, чтобы труднее было докопаться до истины.

Маргарет прокрутила мысль в голове. У нее начала формироваться другая теория.

Эймос указал на экран.

– Нарост либо производит сам, либо вызывает производство чрезмерного количества нейротрансмиттеров, что дает воспроизводимые результаты. Блестяще. Просто великолепно!

– Есть и другие варианты, – сказала Маргарет. – В тканях, окружающих нарост, уровень энкефалинов повышен в семьдесят пять раз. А энкефалин – естественный болеутолитель.

Эймос на секунду задумался, на его лице промелькнуло восхищение.

– Что ж, разумно. Похоже, новообразование вызывает массовое поражение окружающей ткани. А тот, кто все придумал, очевидно, не хотел, чтобы организм-носитель ощутил боль. Уровень сложности просто астрономический.

– Эймос, прекрати их хвалить! – отчитала коллегу Маргарет. – Не забывай, мы здесь для того, чтобы прекратить эти вещи.

Он улыбнулся.

– Очень трудно не испытать изумление, Маргарет. Подойди сюда и взгляни на то, что сейчас под стеклом ультрафиолетового микроскопа.

Маргарет подошла к прибору, с которым Эймос работал последние полчаса, и, нагнувшись, прильнула к окуляру. Образец выглядел как обычная нервная клетка. Эймос выполнил превосходную работу по изоляции и подготовке ткани: пальцевидные дендриты, окрашенные и излучающие металлическую голубизну под ультрафиолетовым светом, выступали за пределы более толстых аксонов. Такая же связь обеспечивает передачу сигналов в организме любого животного на планете.

– Изолированный пучок нервных клеток, – сказала она. – Откуда он взят?

– Я обнаружил его поблизости от восьмого черепного нерва. Процесс гниения происходит и здесь, но мне удалось найти несколько относительно чистых участков.

Маргарет нахмурилась. Сюда, в восьмой черепной, или преддверно-улитковый нерв, поступали сигналы из уха.

– Он сильно поврежден, налицо признаки разложения, тем не менее очевидно, что это нервная ткань, – проговорила Маргарет.

Коллега промолчал. Маргарет оторвала взгляд от окуляра микроскопа.

– Ты уверена? – спросил, наклонившись к ней, Эймос.

Маргарет отнюдь не была расположена к шуткам, однако посмотрела в окуляр еще раз. И не увидела ничего необычного.

– Эймос, если хочешь на что-то обратить внимание, то, прошу тебя, не тяни.

– Эти клетки не принадлежат Мартину Брубейкеру.

Глаза Маргарет округлились.

– Не Брубейкера?.. Зачем ты изучаешь чужие образцы? Если клетки не Брубейкера, то чьи?.. – И вдруг она осознала страшный смысл происходящего. – Эймос, ты хочешь сказать, что клетки принадлежат наросту?..

– Я провел секвенирование белков в области черного шипа и венозного сифона. В результате выявились неизвестные белки, очевидно, не человеческого происхождения. Поэтому я взял несколько образцов по всему телу и провел аналогичное секвенирование. Я обнаружил высокие концентрации в головном мозге – вот как удалось отыскать скопление клеток на черепном нерве. Белок я обнаружил и в других местах, но больше нервов не было, а одни лишь остатки странного гниения. Высокие концентрации найдены в коре головного мозга, таламусе, мозжечковой миндалине, хвостом ядра, гипоталамусе и перегородке.

Маргарет нахмурилась. Значительная часть высших функций мозга по-прежнему представляла собой загадку, как тут разобраться во всем? Инфицированные участки мозга Брубейкера составляли часть лимбической системы, которая, помимо прочих функций, управляла хранением информации в памяти и эмоциональными реакциями.

Но что, черт побери, злополучное новообразование делало в мозгу у Брубейкера? Оно ведь и так держало организм под контролем с помощью передозировки нейротрансмиттеров, не так ли?

Эймос продолжал:

– Сейчас ты наблюдаешь единственный из обнаруженных мной образцов, который не полностью разложился. Никогда не видел подобные белки, поэтому предполагаю, что они имеют синтетический характер. Если они натуральные, то, поверь, такие мне ни разу не попадались. Я внимательно проштудировал все академические и биотехнические базы данных и не обнаружил ничего подобного. То есть, если белки синтетические, кто-то очень хорошо замаскировал их производство. Что, в общем-то, неудивительно, учитывая передовые технологии, с которыми мы имеем дело.

Маргарет стало страшно. Невероятно, чтобы можно было создать нового паразита, который вырастает из малюсенького эмбриона размером с клетку и вцепляется мертвой хваткой в организм человека-носителя. Еще более непостижимым являлось то, что это существо производило нейротрансмиттеры, словно какая-то фабрика, и пачками швыряла их в кровоток. Ее приводила в оцепенение мысль о существовании гения, разработавшего искусственные нервы настолько аккуратно и точно, что они могут взаимодействовать с человеческими.

– Что касается венозного сифона, разделяю твою точку зрения, она имеет смысл, – сказала Маргарет. – Однако сифон – лишь физическая присадка для отсасывания питательных веществ. А как быть с мимическими нервами?

– Напрашивается логический вывод: новообразования внедряются в нервную систему точно так же, как и в кровеносную.

– Но почему? – спросила она, обращаясь скорее к себе, нежели к Эймосу. – Передозировка нейротрансмиттеров дает непредсказуемые результаты. Если цель заключается в том, чтобы сделать людей сумасшедшими, то зачем такие сложности?

Эймос пожал плечами. Он несколько раз согнул руки в локтях, встряхнул ими, сделал несколько наклонов в стороны, чтобы размяться и хоть немного взбодриться.

Маргарет перешла к своему рабочему месту, не переставая думать о загадочном организме, вызывавшем благоговейный трепет.

Раньше казалось очевидным, что цель организма – делать людей жестокими. Теперь, однако, она не была в этом уверена. Было еще что-то, что не объяснишь теорией о существовании высокотехнологичных террористов.

– Маргарет, подай мне, пожалуйста, камеру.

Оглянувшись, она увидела, что Эймос стоит рядом с бедром Брубейкера. Почти все части тела были охвачены черной гнилью, но некоторые участки все же разлагались не так быстро. Одним из таких участков оставалось бедро. Она схватила камеру с разделочного стола и подала ее Эймосу.

Он указал на небольшое поражение на бедре, которое они рассматривали раньше.

– Маргарет, взгляни. – Эймос опустил ее на колени и сделал снимок.

– Ты уже показывал.

– Да, но разве ты не видишь разницу?

– Эймос, – вздохнула Маргарет, – давай больше не будем драматизировать. Если у тебя есть что сказать, не тани, пожалуйста.

Эймос что-то переключил в камере, потом встал вместе с Маргарет плечом к плечу, так чтобы оба могли видеть маленький экранчик с крупным планом пораженного участка, из которого торчало тонкое голубое волокно.

– И что? – усталым голосом спросила Маргарет. – Давай скорее. Прежде чем от тела ничего не останется, нам предстоит еще сделать кучу работы.

– Вот фотография, которую мы сделали, когда впервые увидели пораженный участок, – тихо проговорил Эймос, а потом нажал на кнопку и вывел следующий снимок. – А вот фотография, которую я сделал только что.

Маргарет внимательно посмотрела на экран. Две картинки казались идентичными, за исключением одного: на второй картинке волокон было уже целых три: маленькое красное, маленькое голубое и первоначальное голубое, которое стало раза в три длиннее, чем раньше.

Хотя Мартин Брубейкер был давно мертв, волокна продолжали расти...

19

Переломный день

К полудню чертовы болячки чесались сильнее прежнего, и Перри уже стал всерьез задумываться о визите к врачу. Но ведь это всего лишь паршивая сыпь! Только никчемный слабак из-за такой ерунды побежит к докторам... Если у тебя нет самодисциплины, на что ты вообще годен?

Перри никогда ничем не болел. В то время как другие подхватывали грипп или воспаление легких, Перри отделялся легким насморком или несерьезным расстройством желудка. Коллеги могли без особых причин опоздать или придумать какой-нибудь предлог, чтобы не приходить на работу, а Перри за три года не пропустил ни одного рабочего дня и ни разу не опоздал. Подобную стойкость он унаследовал от отца.

Перри было двадцать пять лет, когда господин Рак, наконец, заявил о своих веских претензиях Джейкобу Доуси. Он отправился в последнюю поездку – в больницу, из которой так и не вернулся. А до этого за всю жизнь пропустил всего лишь один рабочий день. В тот день Перри сломал отцу челюсть.

Перри как раз возвратился с тренировки и увидел, как отец избивает его мать. Целую неделю шел снег, покрывая редкую траву и сырую грязную дорогу, ведущую к дому. Отец вытолкнул жену с крыльца в лужу, продолжая стегать ремнем. Подобные сцены были не редкостью, и Перри по сей день понятия не имел, почему он тогда – впервые в жизни – бросился на отца с кулаками.

– Я покажу тебе, кто здесь главный, – приговаривал Джейкоб Доуси при каждом ударе. – Вам, женщинам, только дай волю, вы на шею сядете! Кем ты, черт возьми, себя возомнила?!

Отец всю жизнь провел в Северном Мичигане и имел привычку растягивать слова. Это придавало некоторый колорит его речи.

В то время Перри был студентом-второкурсником, ростом шесть футов два дюйма и весом 200 фунтов. Конечно, габаритами он пока не мог сравниться с отцом, однако все равно бросился на него, сбив с ног и навалившись сверху.

Перри встал на ноги первым и, хрипло выругавшись, нанес папаше боковой слева. О том, что сломана челюсть, стало известно позднее. Джейкоб Доуси отбросил сына, словно мусор, потом схватил лопату и принялся яростно его дубасить.

Перри дрался ожесточенно, так как был уверен, что живым отец его не выпустит. Он нанес противнику еще два удара в челюсть, но Доуси-старший даже не пошатнулся, продолжая размахивать лопатой.

На следующий день боль оказалась невыносимой даже для такого здоровяка, как Джейкоб Доуси. Он пошел в больницу, где ему наложили несколько швов. Когда отец вернулся домой, то позвал сына на кухню. Покрытый синяками и ссадинами, Перри после избиения лопатой едва мог двигаться, но все-таки пришел и уселся за стол. Отец начал что-то писать на клочке бумаги. Перри едва разобрал полуграмотные каракули: *«Не могу говорить, сломана челюсть. Ты дрался, как мужчина. Горд за тебя. В этом чертовом мире надо научиться выживать. Когда-нибудь ты поймешь и даже скажешь мне спасибо»*.

Перри запомнил его взгляд. В нем были печаль, любовь и гордость. Этот взгляд словно говорил: «Мне больнее, чем тебе». И не потому, что сломана челюсть. Избиение лопатой Доуси-старший рассматривал так же, как здравомыслящий отец мог рассматривать порку – нечто неприятное, отвратительное, что должно быть непременно выполнено в целях воспи-

тания. Джейкоб Доуси считал, что поступает правильно. И хотя ему не нравилось причинять боль единственному сыну, он делал то, что считал нужным, чтобы быть хорошим отцом.

Да уж, спасибо тебе, папочка. Огромное спасибо. Ты у меня лучше всех.

Впрочем, несмотря на ненависть, Перри не мог отрицать, что именно отец сделал его таким. Джейкоб Доуси хотел, чтобы сын вырос крутым парнем, и он этого добился. Жесткость Перри помогала ему на футбольном поле, благодаря ей он получил стипендию и закончил колледж. Каким бы сумасшедшим ни был Джейкоб Доуси, он волей-неволей привил сыну несгибаемое упорство, которое Перри считал ключевой характеристикой своей личности. Ему нравилось упорно трудиться. Нравилось ощущать себя надежным.

Невзирая на сыпь, Перри вновь отправился на работу. Однако присутствовать на работе и эффективно справляться с ней – две разные вещи. Сосредоточиться не удавалось. В голове то и дело всплывали одни и те же возможные решения, мозг был словно окутан туманом, мешавшим ухватиться за самую суть проблемы.

– Перри, можно отвлечь тебя на минутку?

В его кабинку вошла Сэнди. Особого удовлетворения в ее взгляде он не заметил.

– Конечно.

– Мне только что позвонил Самир из компании «Пуллман». Их сеть бездействует вот уже третьи сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.